
Николай Агнивцев
В ГАЛАНТНОМ СТИЛЕ О ЛЮБВИ И ЖИЗНИ
Николай Агнивцев В ГАЛАНТНОМ СТИЛЕ О ЛЮБВИ И ЖИЗНИ
ЗАХАРОВ

Николай Агнивцев

Николай Агнивцев

В галантном стиле о любви и жизни

МОСКВА

УДК 882-1
ББК 84-5
А 24

*Иллюстрации для этой книги взяты из издания:
КУПИДОНОВЫ ПРОКАЗЫ. АЛЬБОМ МИСС
Спб., изд. М.Г.Корнфельда, 1913*

*Издатель благодарит
Марию Яковлевну Чапкину,
А.С.Иванова и Л.М.Турчинского
за предоставленные материалы*

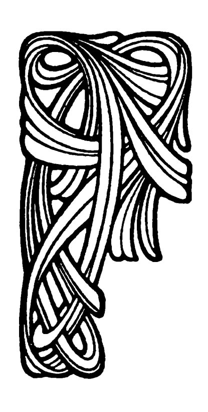
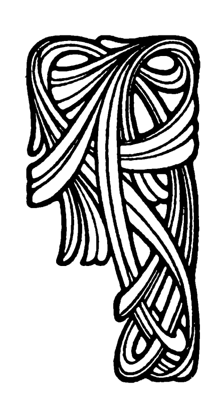
А 24 Агнивцев Н. В галантном стиле о любви и жизни. — М.: «Захаров». — 256 с.

Знаменитый в начале XX века поэт Николай Яковлевич Агнивцев (1888—1932) прославился «экзотическими», «великосветскими» и «богемными» стихотворениями и сценками, которые печатались в «Сатириконе», «Столице и усадьбе», «Солнце России». Создатель театра-кабаре «Би-ба-бо» и «Кривой Джимми». После революции провел два года в эмиграции, но вернулся в Москву, сотрудничал в советских сатирических журналах, издавал детские книжки.

Здесь представлены его избранные стихи из периодики и прижизненных книг «Блистательный Санкт-Петербург» (1923), «Мои песенки» (1921), «Пьесы» (1923), «От пудры до грузовика» (1926) и др.

ISBN 978-5-8159-0659-4

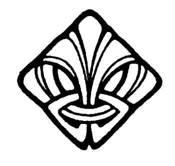
УДК 882-1
ББК 84-5

Часть первая

Куртуазные страсти

БЕЛЫЙ ВАЛЬС

О, звени, старый вальс, о, звени же, звени
Про галантно-жеманные сцены,
Про былые, давно отзвеневшие дни,
Про былую любовь и измены!

С потемневших курантов упал тихий звон,
Ночь, колдуя, рассыпала чары...
И скользит в белом вальсе у белых колонн
Одинокая белая пара...

О, вальс, звени —
Про былые дни!

И бесшумно они по паркету скользят...
Но вглядитесь в лицо кавалера:
Как-то странны его и лицо, и наряд,
И лицо, и наряд, и манеры!..

Но вглядитесь в нее: очень странна она...
Неподвижно упали ресницы,
Взор застыл... И она — слишком, слишком бледна,
Словно вышла на вальс из гробницы!

О, вальс, звени —
Про былые дни!

И белеют они в странном вальсе своем
Меж колонн в белом призрачном зале...
И услышавши крик петуха за окном,
Вдруг растаяли в тихой печали...

О, звени, старый вальс, сквозь назойливый гам
Наших дней обезличенно-серых:
О надменных плечах белых пудренных дам,
О затянутых в шелк кавалерах!..

О, вальс, звени —
Про былые дни!

ГАЛАНТНАЯ ИСТОРИЯ
о некоем маркизе Гильоме де Рошефоре и его ста сорока восьми прекрасных дамах

ПРЕДИСЛОВИЕ
(в котором автор старается оправдать свои эротические наклонности)

**Сейчас весь мир невольно
Звенит от птичьих стай,
Сейчас цветет фривольный
Веселый месяц май.
Пустивши без уступок
Все стрелы в оборот,
Кивает из-под юбок
Смеющийся Эрот.
До носа в плед обмотан
Кричит ханжа: «Ай-ай!»
Дурак, на то Эрот он,
На то и месяц май.
Итак, увлекшись маем,
Забыв дела свои,
Давайте поболтаем
О странностях любви...
И тихо для начала
Уйдемте, например,
В тот век, когда плясала
Луиза де Вальер;
Когда в любовном хмеле
С полночи до зари
Сверкали и шумели
Версаль и Тюильри;
Когда в туманной дали
От адюльтерных сцен
И день, и ночь дрожали
Сен-Клу и Сен-Жермен.**

ГЛАВА 1

(застающая Гильома де Рошефора совсем не там, где ему быть полагалось)

**Итак, без разговоров
Позвольте, о мадам,
Гильом де Рошефора
Теперь представить вам.
Известный волокита,
По виду Адонис...
Позвольте, где же вы-то,
Блистательный маркиз?
Поищем-ка немножко
Маркиза мы... Ага!
Вот домик, в нем окошко,
В окошке же... нога.
Я объясню вам это
(Нет проще ничего):
Окошко то — Фаншетты,
Ну а нога — его.
Итак, вот этот ранний
Повеса из повес
На первое свиданье
В окно к Фаншетте влез.
Знакомая картина
Из сотен тысяч сцен:
Она — его кузина,
А он — ее кузен.
Вы положенье взвесьте,
Беды особой нет,
Ведь им обоим вместе
Всего лишь тридцать лет.**

ГЛАВА 2

(в которой, к сожалению, замешан сам дьявол)

Но дьявол скользким змием
Скользнул вдруг к их ногам
И азбуку любви им
Читать стал по слогам.
Так черт вновь одурачил
Мамаш, и с этих пор
Свою карьеру начал
Маркиз де Рошефор.
И все забыв на свете,
В тумане, как слепой,
Блуждал он по Фаншетте
Дрожащею рукой.
В игру втянувшись эту,
В довольно краткий срок
Он изучил Фаншетту
И вдоль, и поперек.
Ах, ни один ученый
С начала всех начал
Так страстно и влюбленно
Наук не изучал.
Бледнеть стал звездный купол,
И смолкли соловьи,
Маркиз же тихо щупал
Все почву для любви.
И дар любви фривольной,
В неведеньи блажен,
Он расплескал невольно
Меж розовых колен.

Любовь многообразна,
И важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как — не все ль равно?

ГЛАВА 3

(содержащая в себе некоторые не совсем уместные рассуждения по поводу вышерассказанного случая)

**Я слышу вопль рутинный:
«Ах, горе, ах, беда!
Ах, бедная кузина!..»
Оставьте, господа!
Кузине горя мало,
Ведь все ж в конце всего
Она не потеряла
Ну ровно ничего!
Коль вдруг распухнут губки,
Есть крем для их услуг,
Ну а для смятой юбки
Имеется утюг...
Хоть был с кузиной нежен,
Но, право, до сих пор,
Как триста дев, безгрешен
Маркиз де Рошефор.
Мужал он неуклонно
И только тем грешил,
За что во время оно
Онан наказан был.
И до сих пор о страсти
Не знал бы, если б в нем
Не приняла участья
Мадам де Шавиньон.**

ГЛАВА 4

(трактующая о мореходстве, но могущая заинтересовать не одних только мореплавателей)

Сам Папа мне свидетель,
Что за сто верст кругом
Известна добродетель
Мадам де Шавиньон.
Ей не страшно злоречье,
Белей, чем снежный ком,
И реноме, и плечи
Мадам де Шавиньон.
И, словно ангелочки,
Вдаль тянутся гуськом
Двенадцать юных дочек
Мадам де Шавиньон.
И к этой строгой даме,
Потупя скромно взор,
С фривольными мечтами
Явился Рошефор.
Но был от нежной страсти
Он мигом исцелен,
Когда в ответ на «Здрасьте!»
Она сказала: «Вон!..»
Когда ж от нагоняя
Он бросился бежать,
Добавила, вздыхая:
«Вон... свечи ведь горят!»
И в миг потухли свечи,
И на сто верст кругом
Во тьме сверкали плечи
Мадам де Шавиньон.

ГЛАВА 5
(которая, в сущности, должна быть четвертой)

Хоть он к заветной цели
Летел что было сил,
Но все ж в любовном деле
Весьма несведущ был.
И вот, попав в объятья,
В неведеньи своем,
Запутался он в платье
Мадам де Шавиньон.
И так болтался в горе,
Ногами шевеля,
Как некий бриг на море,
Без мачт и без руля...
И все шептал с опаской:
«Прекрасная, смогу ль?..»
Тогда она с гримаской
Сама взялась за руль.
И опытной рукою
К источнику всего
Дорогой вековою
Направила его.
И, наклонившись к даме,
Он прямо в гавань — трах!
Под всеми парусами
Причалил впопыхах.

Любовь многообразна,
И важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как — не все ль равно?

ГЛАВА 6

(о сладострастном Дамаске, о темном коридоре, о персидском шахе и о горничной Марго)

Простившись с дамой вяло
(Любить дам нелегко),
Шагал маркиз по залу
За горничной Марго.
Попав, как по заказу,
С ней в темный коридор,
Немедля ожил сразу
Галантный Рошефор.
И тут от неуменья
(Иль от избытка сил)
Вмиг без предупрежденья
Зашел любви он в тыл.
И песнь любви, как смог он,
Так спел ей второпях,
Что был бы им растроган
Любой персидский шах!
Ах, есть своя услада
У экзотичных ласк...
О, сказки Шехрезады!
О, сладостный Дамаск!
Смекнув по ощущенью,
В чем дело тут, Марго
В немалом изумленьи
Воскликнула: «Ого!..»

Любовь многообразна,
И важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как — не все ль равно?

ГЛАВА 7

(посвященная внешним и внутренним качествам некой мадемуазель Нинон)

Как сложенные вместе
Пять Лед и шесть Юнон,
Мила (вы это взвесьте)
Мадемуазель Нинон.
Но между тем едва ли...
В девичий пансион
Хотя на миг бы взяли
Мадемуазель Нинон.
Ах, страсть ее безбрежна,
Весь энский гарнизон
Порукой страсти нежной
Мадемуазель Нинон.

ГЛАВА 8

(в которой маркиз Рошефор знакомится с мадемуазель Нинон и еще кое с чем)

По воле Афродиты
К Нинон, хоть не знаком,
Походкой деловитой
Вошел маркиз Гильом.
Он быстро молвил: «Здрасьте!» —
Заранее влюблен,
И поднял кубок страсти
Над чашею Нинон.

Но, бросив старый метод,
Испорчена весьма,
За кубок страсти этот
Взялась она сама.
И поднесла в томленьи
Сверх всяческих программ
Тот кубок наслажденья
К пылающим устам.

Маркиз всем этим очень
Был изумлен тогда
И вскрикнул, озабочен:
«Позвольте, не туда!..»
В ответ нежнейшей скрипкой
Хихикнула она
И выпила с улыбкой
По каплям все до дна...

В науке страсти нежной
Противен был шаблон
Немножечко мятежной
Мадемуазель Нинон...
Любовь многообразна,
И важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как — не все ль равно?

И (слушай, о прохожий),
По образу Нинон,
К истоку страсти тоже
Прильнул губами он.
И слились в позе сладкой
В одну из цифр, в какой
Шестерка и девятка
Имеют смысл иной.

Любовь многообразна,
И важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как — не все ль равно?

ГЛАВА 9

(подтверждающая поговорку,
что дурные примеры заразительны)

Придя немного в чувство
От сладостных истом,
Над тайною беспутства
Задумался Гильом.
И так сидел он в нише,
Задумчив, как пять тумб,
Как только что открывший
Америку Колумб.
Но очень любопытен,
Сконфузившись слегка,
Решился сам испить он
Любовь из родника.

Любовь многообразна,
И важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как — не все ль равно?

ГЛАВА 10

(так и не объясняющая, за что благодарила Гильома некая девица по имени Люси)

О, милый друг, хотя ты
Весь мир исколесил,
Все дамы грубоваты
В сравнении с Люси.
Она хрупка, как блюдце,
И, Боже упаси,
Хоть к платью прикоснуться
Застенчивой Люси.
Все скажут без изъятья,
Кого лишь ни спроси,
Что Жанна д'Арк в квадрате —
Безгрешная Люси.
Уныл, как две вороны,
С Люси той за столом
Средь сотни приглашенных
Сидел маркиз Гильом.
Тоскуя от безделья,
Он дело вдруг нашел
И с непонятной целью
Скользнул рукой под стол.
Что делал он, не знаю,
Лишь знаю, что Люси
В конце концов, вздыхая,
Промолвила: «Мерси!..»

Любовь многообразна,
И важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как — не все ль равно?

ГЛАВА 11

(в которой описывается одно приключение между двумя особами)

Халатен к брачным ковам,
В любви добывши приз,
Летел всегда за новым
Стремительный маркиз.
И авантюру эту
Проделавши раз пять,
Он некую Жанетту
Поехал провожать.
Хоть было в той карете
И тесно, и темно,
Но все ж Эрот заметил
Там кое-что в окно.
Плененный видом этим,
Дав крыльям полный ход,
Влез между ними третьим
Смеющийся Эрот.
Летела вдаль карета,
И прыгали слегка
Карета и Жанетта
От каждого толчка.
Что было в той карете,
Известно лишь ему,
Карете и Жанетте,
А больше никому.

Любовь многообразна,
И важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как — не все ль равно?

ГЛАВА 12

(о наядах, Тритоне, Нептуне и некой даме, любившей принимать утром ванну)

И после этой встряски
До света, как назло,
От ласки и от тряски
Всю ночь его трясло.
И, встав часов в двенадцать,
Как истый кавалер,
Поехал представляться
К графине Сен-Альмер.
Когда же прямо в ванну
К ней был он приведен,
Подумал: «Очень странно!»
И вслух сказал: «Пардон!»
Она же в брызгах пены,
Не молвя ничего,
Как некая сирена,
Смотрела на него.
О, дочери Нептуна,
О, бледный жемчуг дна,
Чье тело вечно юно
И скользко, как волна!
О, ласки без предела,
Очей бездонных путь
И молниею белой
Сверкающая грудь!
Ну что ж еще вам надо?
Итак, по мере сил
Она была наядой,
А он Тритоном был.

Любовь многообразна,
И важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как — не все ль равно?

ГЛАВА 13

(в которой главную роль играет самая обыкновенная вишня)

От мокрой той графини,
На сушу вновь влеком,
Позавтракать к Жаклине
Спешит маркиз Гильом.
Увы, поверьте чести,
Не описать перу,
Какую с нею вместе
Затеял он игру.
В игре той нерутинной
Был вот какой ансамбль:
Гильом сам, с ним Жаклина
И вишня par example...
Добавлю добровольно,
Что вишню эту рок
Забросил вдруг фривольно
В интимный уголок.
Вы положенье взвесьте,
Пусть это ерунда,
Но вишни в этом месте
Бывают не всегда.
И вишню эту с жаром,
Игрою увлечен,
Прилежно с видом ярым
Ловил губами он.
Хотя детали лишни,
Добавлю все же, что
Ловить губами вишни
Сумеет вряд ли кто.

Любовь многообразна,
И важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как — не все ль равно?

ГЛАВА 14

(из которой видно, что и геометрия может на что-нибудь пригодиться)

Оттуда, легче пуха,
Вскочил в кабриолет,
Помчал он что есть духа
К Сюзанне на обед.
И огорчен безмерно
Был сразу там Гильом,
Увидев фрейлен Эрну
С Сюзанною вдвоем.
Но отступил чтоб он-то?
Ну как же, никогда!
И просто на два фронта
Он бросился тогда.
И были без утайки
Довольны все кругом:
И милая хозяйка,
И Эрна, и Гильом.
И, прыгая, как школьник,
Эрот из них в тиши
Составил треугольник
И рад был от души.

Любовь многообразна,
И важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как — не все ль равно?

ГЛАВА 15

(о копье любви, которое было пущено хотя и верной рукой, но все же не попало в цель)

От лавров геометра
Сбежав для новых дел,
Он в ложу легче ветра
К мадам Софи влетел.
За бархатной завесой
Сидели рядом с ней
Плененные пиесой
Супруг и пять друзей.
Тут разговор короток,
И все меня поймут:
Ах, сцена так далеко,
Софи же рядом, тут.
Копье любви он с края
Метнул к ногам Софи.
Неловкость ощущая,
Софи сказала: «Фи!»

Любовь многообразна,
И важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как — не все ль равно?

ГЛАВА 16

(самая примечательная)

Но ужин тоже нужен.
И, прошептав: «Адье!»,
Гильом спешит на ужин
К Адель за пару лье.
От всех, в ком страсть и шалость
Сплелись, она весьма
И резко отличалась
Пытливостью ума.
Всем с видом благосклонным
Даря уста свои,
Любовным Эдисоном
Была она в любви.
И в позе очень милой
Склонясь к Гильому ниц,
Она его любила
При помощи ресниц.

Любовь многообразна,
И важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как — не все ль равно?

ГЛАВА 17

(в которой подводятся некоторые итоги короткой, но плодотворной деятельности маркиза)

Так, полн очарований,
Летел маркиз Гильом
По полю сладкой брани
С приподнятым копьем.
И в деле страсти прыток,
Он к двадцати годам
Пронзил копьем любви так
Сто сорок восемь дам!
И был он хмур, как осень,
Когда к нему лакей
Впустил сто сорок восемь
Обманутых мужей.
И бросился спасаться,
Когда пришли к дверям
Пять тысяч двести двадцать
Любовников тех дам.

ГЛАВА 18

(повествующая о том, как могут развлекаться две молодые девицы, когда им скучно)

Решив порвать все связи,
Он тихо влез в окно
К невесте Франсуазе,
С ним смолвленной давно.
Он лез с готовой фразой,
Что флирту, мол, конец,
Что завтра с Франсуазой
Пойдет он под венец.
Но влезши, сразу к месту
Прилип маркиз Гильом,
Застав свою невесту
С Жоржеттою вдвоем.
Ах, дело не в Жоржетте,
А вот в одной из поз,
Какими в целом свете
Прославился Лесбос.

Любовь многообразна,
И важно лишь одно:
Любить друг друга страстно,
А как — не все ль равно?

ГЛАВА 19

(и последняя, в которой по образцу самых лучших поэм порок наказывается, а добродетель торжествует)

В угоду моралистам
Скажу я на финал,
Что бедный мой маркиз там
Жестоко пострадал.
Пылая жаждой мести,
Прокляв девиц и дам,
Копье любви на месте
Сломал он пополам!
Для всяческих проказ он
Потерян с этих пор.
Так небом был наказан
Маркиз де Рошефор.

САНТУЦЦА

Придя к Сантуцце, юный герцог
По приказанью дамы сердца
Был прямо в спальню проведен!
Пусть ваши очи разомкнутся,
Ведь в спальне не было Сантуццы
И не нарушен был бон тон!..
Но через миг у двери спальной
Раздался голос, моментально
Приведший герцога к нулю:
«Ах, милый герцог, я из ванны
Иду в костюме монны Ванны
И отвернуться вас молю!»
Во всем покорный этикету,
Исполнил герцог просьбу эту.
И слушал лишь из уголка
Весьма застенчиво и скромно,
Как шелестели с дрожью томной
Любовь дразнящие шелка.
И, просидев минут пятнадцать,
Боясь от страсти разорваться,
Он наконец промолвил так:
«Когда же, о, мадам Сантуцца,
Мне можно будет повернуться?»
И был ответ ему: «Дурак»!

РОЗОВЫЙ АЛЬКОВ

К монне Фиаметте
Стукнул на рассвете
Граф Рене Камбонь.
И, хоть Фиаметта
Не была одета,
Все ж был принят он —
В розовом алькове,
Где у изголовья,
Под гирляндой роз,
Мраморной Психее
Что-то шепчет млея
Мраморный Эрос!

Ах, мой друг, ответьте:
Что прекрасней в свете
Неодетых дам?
Граф был не дурак же,
Думал точно так же!
И все стихло там...
В розовом алькове,
Где у изголовья,
Под гирляндой роз,
Мраморной Психее
Что-то шепчет млея
Мраморный Эрос!

В позе очень стильной
Задремал жантильный
Граф Рене Камбонь...
Тут я буду точен:
Ровно двух пощечин
Вдруг раздался звон
В розовом алькове,
Где у изголовья,
Под гирляндой роз,
Мраморной Психее
Что-то шепчет млея
Мраморный Эрос!

И, открывши веки,
Граф Рене навеки
Удалился вспять...
Посудите сами,
Черт возьми, при даме
Разве можно спать
В розовом алькове,
Где у изголовья,
Под гирляндой роз,
Мраморной Психее
Что-то шепчет млея
Мраморный Эрос?!

ПАЖ ЛЕАМ

У короля был паж Леам —
Проныра хоть куда!
Сто сорок шесть прекрасных дам
Ему сказали: «Да!»

И в Сыропуст, и в Мясопуст
Его манили в тон
Сто сорок шесть прекрасных уст
В сто сорок шесть сторон!

Не мог ни спать, ни пить, ни есть
Он в силу тех причин,
Ведь было дам сто сорок шесть,
А он-то был — один!

Так, от зари и до зари,
Свершал он свой вояж!
Не даром он, черт побери,
Средневековый паж!

Но как-то раз в ночную тьму,
Темнее всех ночей,
Явились экстренно к нему
Сто сорок шесть мужей!

И, распахнув плащи, все враз
Сказали: «Вот тебе,
О, паж Леам, прими от нас
Сто сорок шесть бэбэ!»

«Позвольте, — молвил бледный паж,
Попятившись назад, —
Я очень тронут!.. Но куда ж
Мне этот детский сад?

Вот грудь моя! Рубите в фарш!»
Но, шаркнув у дверей,
Ушли, насвистывая марш,
сто сорок шесть мужей!

ДВЕСТИ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Это было в белом зале
У гранитных колоннад.
Это было все в Версале
Двести лет тому назад!

Ах, назад тому два века,
Не имея лучших тем,
Герцог Гиз маркизе некой
Прошептал вдруг: «Je vous aime!» —
«Ах, мой герцог! Ах, мой герцог!
И мечтать я не могла!..»
И ему маркиза сердце
С реверансом отдала...

Это было в белом зале
У гранитных колоннад.
Это было все в Версале
Двести лет тому назад!

Но швырнул ее он сердце
На потеху для молвы!..
И маркиза шепчет: «Герцог,
Герцог, герцог, где же вы?
Пусть разбили сердце ложью.
В этом сердце — вы один!»
И, схвативши ножик, с дрожью
Стала чистить апельсин...

Это было в белом зале
У гранитных колоннад.
Это было все в Версале
Двести лет тому назад...

ПАСТУШОК И ПАСТУШКА

Изящна, как игрушечка,
Прелестная пастушечка
Плела себе венок.
И с нею рядом туточки
Наигрывал на дудочке
Прелестный пастушок.
И пели в тэт-а-тэтике
Любовные дуэтики...

Что с ними дальше станется —
Вам скажет окончаньице!

Но некая маркизочка
По имени Алисочка
Вдруг вышла на лужок!
И вот без промедленьица
Ее воображеньице
Пленил сей пастушок.
«Вот мне б для адюльтерчика
Такого кавалерчика!»

Что с ними дальше станется —
Вам скажет окончаньице!

Тогда на эпиложичек
Взяла пастушка ножичек
И стала им махать!..
При виде этих сценочек,
Встал пастушок с коленочек
И удалился вспять!..

Что станется с пастушечкой
Страстей его игрушечкой?
Ни черта с ней не станется!
Вот вам и окончаньице!

МАРКИЗ ФРАНСИЗ

И дни, и ночи в страстной позе
Поет о розах на морозе
Перед окном девицы Клер
Маркиз Франсиз де Помдетер!

Он пел с подъемом, очень мило,
О том, о сем... И выходило,
Со слов маркиза, что маркиз
В раю мог взять бы первый приз...

Он, мол, не требует награды,
Объятий, мол, ему не надо,
Зане он может только сметь
Взглянуть, вздохнуть и умереть!

Девица Клер вздыхать — вздыхала,
Но двери все ж не отворяла,
Не без причин, не без причин
Боясь коварности мужчин!

Хоть разум чуток, словно филин,
Но дьявол тоже очень силен!
И... влез в окно к девице Клер
Маркиз Франсиз де Помдетер!

И, влезши к ней подобным родом,
О звездах буркнул мимоходом,
Затем увлек ее в альков,
Похитил честь!.. И был таков!

Тут и конец, хоть очень жаль...
Но если вам нужна
Еще к тому же и мораль,
Извольте, вот она:

По вышеназванным причинам —
Не верьте, барышни, мужчинам.

ГЛУПАЯ ШУТКА

Как горний отблеск Парадиза
И непорочна, и светла,
Одна французская маркиза
Жила, пока не умерла.
Она была верна супругу
И днем, и ночью, и в обед...
И на галантную услугу
Всем кавалерам был ответ:
«Послушайте, где ваш рассудок?!
Терпеть не могу глупых шуток!»
Сказали ей у Парадиза:
«Ну-с, кроме мужа своего
Кого любили вы, маркиза?»
Она сказала: «Никого!»
И в удивленьи ее стал
Тогда разглядывать в кулак
Невозмутимый Петр Апостол
И наконец промолвил так:
«Послушайте, где ваш рассудок?
Терпеть не могу глупых шуток!»

ПРЕДАНИЕ О ЧЕРНОМ КАМНЕ

В стране, где измену карает кинжал,
Хранится в народе преданье,
Как когда-то давно некий паж вдруг застал
Принцессу во время купанья!

И вот, побоявшись попасть на глаза
Придворной какой-нибудь даме,
Он прыгнул в отчаяньи, словно коза,
За черный обветренный камень.

Но сын Афродиты не мог нипочем
Снести положенья такого!
И стал черный камень прозрачным стеклом
Под взором пажа молодого!

Для вас, о влюбленные, был мой рассказ!
И хоть было очень давно то,
Давайте за это еще лишний раз
Прославим малютку Эрота!

КОРОЛЕВА БЛЕДНА

Королева бледна,
Королева грустна,
Королева от гнева дрожит.
В стороне, одинок,
Голубой василек —
Юный паж, пригорюнясь, сидит.
Королева бледна,
Королева грустна,
Королевская грудь, как морская волна,
В пене кружев, вздымается, гневом бурля:
Королеве сегодня всю ночь напролет
Снился юноша-паж, голубой Бернадот.
И... костыль короля...

БАЛЛАДА О КОНФУЗЛИВОЙ ДАМЕ

Подобно скатившейся с неба звезде,
Прекрасная дама купалась в пруде...
Заметив у берега смятый корсаж,
Явился к пруду любознательный паж.

Увидя пажа от себя в двух шагах,
Прекрасная дама воскликнула: «Ах!»
Но паж ничего не ответствовал ей
И стал лицемерно кормить лебедей.

Подобным бестактным поступком пажа
Зарезана дама была без ножа...
Так в этом пруде, всем повесам в укор,
Прекрасная дама сидит до сих пор!

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПРИНЦЕССЫ

В день рождения принцессы
Сам король Гакон Четвертый
Подарил ей после мессы
Четверть царства и два торта.

Королева-мать Эльвира,
Приподняв главу с подушки,
Подарила ей полмира
И горячие пампушки.

Брат Антонио-каноник,
Муж святой, смиренно-кроткий,
Подарил ей новый сонник
И гранатовые четки.

Два пажа, за неименьем
Денег, взялись за эфесы
И проткнулись во мгновенье
В честь прекрасных глаз принцессы.

Только паж Гильом-повеса,
Притаившися под аркой,
В день рождения принцессы
Оказался без подарка!

Но ему упреки втуне!
Он стоит и в ус не дуя,
Подарив ей накануне
Сорок тысяч... поцелуев!

ПРИНЦЕССА АННА

Из своей опочивальни,
Чем-то очень огорчен,
Побледневший и печальный
Вышел в зал король Гакон.
И в тоске невыразимой
Молвил, вставши на ступень:
«Здравствуй, мой народ любимый!»
И сказали «Добрый день»
Сто четырнадцать гофмейстеров,
Тридцать церемониймейстеров,
Сорок восемь камергеров,
Триста сорок пять курьеров
И четыреста пажей!

И дрожа, как от озноба,
Продолжал Гакон-король:
«Нам сейчас одна особа
Причинила стыд и боль!
Видно, нас днесь в это лето
За грехи карает Бог!
Что вы скажете на это?»
И сказали грустно «Ох!»
Сто четырнадцать гофмейстеров,
Тридцать церемониймейстеров,
Сорок восемь камергеров,
Триста сорок пять курьеров
И четыреста пажей!

«Наша дочь, принцесса Анна,
Позабыв свои дела,
Неожиданно и странно
Нынче сына родила!
Мы б узнать от вас хотели
(Будьте ж честны и прямы!),
Кто замешан в этом деле?!»
И сказали тихо «Мы!»
Сто четырнадцать гофмейстеров,
Тридцать церемониймейстеров,
Сорок восемь камергеров,
Триста сорок пять курьеров
И четыреста пажей!

ИСПАНСКИЕ СТРАСТИ

Солнце жарит, что есть мочи,
От гитар звенит земля,
Блещут шпаги, блещут очи...
Альпухара, voila!

Здесь в крови всегда засуха,
И от солнца и вина
Разнесчастнейшая муха
Превращается в слона!

Эй, с дороги, кабальеро!
Дон Алонзо, как самум,
К юной донье Гуэрэро
Скачет рынком, наобум!

А навстречу дону мчится,
Словно вспугнутый кентавр,
Дон Фернандо ди Корица —
Чистокровный гордый мавр!

Оба смотрят молодцами,
Оба — бешены... И — трах:
Оба дона — под конями,
Оба дона — в синяках!

«Вы бездельник, дон Фернандо!..»
«Вы ж не гранд, а идиот!..»
Дон Фернандо тычет в гранда,
Ну а гранд — наоборот!

Злобно лязгают стилеты...
Вкруг бойцов — живой забор:
Все — идальго, все — брюнеты,
Все — испанцы на подбор!

«О, карамба! Прочь беседу!»
«Кто толкнул меня?!» И вот,
Там и тут: сосед соседу
Порет экстренно живот!..

Вмиг, спустив друг другу шкуру,
Доны пачками лежат...

И в тени — по Реомюру — пятьдесят.

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В СЕВИЛЬИ

Это случилось в Севильи,
Где любят все в изобильи,
С донной Эльвирой д'Амор
Ди Сальвадор!

Шли по ночам целоваться
Юношей ровно двенадцать
К донне Эльвире д'Амор
Ди Сальвадор!

И вдруг, схватившись за сердце,
Стукнул тринадцатый в дверцы
К донне Эльвире д'Амор
Ди Сальвадор!

Но был отвергнут навеки
Этот тринадцатый некий
Донной Эльвирой д'Амор
Ди Сальвадор!

Ибо одно достоверно:
Очень была суеверна
Донна Эльвира д'Амор
Ди Сальвадор!

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ

Дребезжит гитара сонно,
Где-то булькает мадера...
Ночь. Луна. В окошке — донна,
Под окошком — кабальеро.
Ну-с, итак, в испанском стиле
Начинаю ритурнель я!
Место действия — в Севильи,
Время действия — в апреле.
Скоро будет две недели,
Как жене своей на горе
Дон супруг на каравелле
Где-то путается в море.
Услыхав о том, открыто,
Дон сосед, от страсти ярой
Вмиг лишившись аппетита,
Под окно пришел с гитарой.
Все, что знал, пропел он донне!
И, уставши, напоследок,
Он запел в мажорном тоне
Приблизительно вот этак:
«Донна! Донна! В вашей власти
Сердце вашего соседа!
Ах, от страсти я на части
Разрываюсь, как торпеда!»
«Нет! Не ждите поцелуя! —
Отвечала донна томно, —
Нет, нет, нет! Не изменю я
Своему супругу-дону!»
И добавила, вздыхая,
Не без некоторой дрожи:
«К вам не выйду никогда я!
На других я не похожа!»

Вы не верите? Я — тоже.

БРАТ АНТОНИО

В монастырской тихой келье,
Позабывши о веселье,
(Но за это во сто крат
Возвеличен Иисусом)
Над священным папирусом
Наклонясь, сидел аббат —
Брат Антонио — каноник,
Муж ученый и законник,
Спасший силой Божьих слов
От погибельных привычек
Сорок девять еретичек
И сто шесть еретиков!

Но, черны как в печке вьюшки,
Подмигнув хитро друг дружке
И хихикнув злобно вслух,
Два лукавых дьяволенка
Сымитировали тонко
Пару самых лучших мух...
И под носом у аббата
Между строчками трактата
Сели для греховных дел...
И на этом папирусе
Повели себя во вкусе
Ста Боккачьевых новелл!..

И, охваченный мечтами,
Вспомнил вдруг о некой даме
Размечтавшийся аббат...
И без всяких апелляций
В силу тех ассоциаций
Был низвергнут прямо в ад
Брат Антонио — каноник,
Муж ученый и законник,
Спасший силой Божьих слов
От погибельных привычек
Сорок девять еретичек
И сто шесть еретиков!

ДОН ПАСКУАЛЕ

У доньи Лауры, испанки беспечной,
Имеется домик (с балконом, конечно!)
И вот под балкон (хоть его и не звали)
Явился с гитарою дон Паскуале...

И, взявши аккорд, за отсутствием дел,
О розах и грезах немедля запел:
«Гуэррэро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па дэ спань!
Оллэ!»

И шепчет Лаура, вздыхая влюбленно:
«Как времени много у этого дона!
Скорей бы, скорей бы вы с песней кончали,
И к делу приступим, о, дон Паскуале!»

А дон Паскуале, воззрясь в небосвод,
О розах и грезах поет и поет:
«Гуэррэро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па дэ спань!
Оллэ!»

Одна за другой проходили недели,
Настала зима и завыли метели...
И, хмуро взглянувши на ртуть Реомюра,
С балкона давно удалилась Лаура...

А дон Паскуале, воззрясь в небосвод,
О розах и грезах поет и поет:
«Гуэррэро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па дэ спань!
Оллэ!»

Меж тем проходивший дон Педро ди Перцо
Увидев Лауру, схватился за сердце...
И, будучи доном особого рода,
Немедля забрался к ней с черного хода!

А дон Паскуале, воззрясь в небосвод,
О розах и грезах поет и поет:
«Гуэррэро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па дэ спань!
Оллэ!»

При первой улыбке весенней лазури
Дон Педро женился на донье Лауре...
Года друг за дружкою шли без отсрочки:
У доньи Лауры две взрослые дочки!..

А дон Паскуале, воззрясь в небосвод,
О розах и грезах поет и поет:
«Гуэррэро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па дэ спань!
Оллэ!»

КОРОЛЬ И ШУТ

Жил-был в некоем царстве когда-то
Могучий король Альтоном...
А с ним королева Беата
И шут в красной шапке с пером...
Беата подобна Венере!
И в спальню, лишь станет темно,
Король к ней входил, стукнув в двери,
А шут — прямо через окно!..
И вот, к изумленью старушек,
В один из параднейших дней,
Под грохот ликующих пушек
Вдруг двойня явилась у ней!..
А ну-ка, узнайте вы тут,
Где здесь король и где шут?

Согласно придворной программе
На радостном празднике том
Король пировал за столами,
А шут — доедал под столом...
Шли годы так!.. И на финале,
Хотя и в различные дни,
И шут, и король поикали
И померли оба они!..
Как солнечный луч на обоях,
Промчались столетья...И вот
Остались от них от обоих
Два черепа! Этот и тот!
А ну-ка, узнайте вы тут,
Где здесь король и где шут?!

ЕРЕТИЧКА

От Люксембурга до Бастилии,
Еретикам на вечный страх,
Герольды папские трубили
На всех парижских площадях:
«Мы, добрый Папа Лев Четвертый,
Скорбим о дщери Анж Питу,
Продавшей явно душу черту
За неземную красоту.
И вот в знак милости Господней
К ней, пребывающей во зле,
Казнить ее велел сегодня
Наместник Бога на земле!..»
И к Анж Питу в час утра ранний
С молитвой кроткой на устах
И с папской буллою в кармане
Пришел напутственный монах.
Она приподняла ресницы:
«Ах, как безжалостны все вы!
На небо к Господу явиться
Я не могу без головы!
Казни меня, но без увечья!
Должна же я, пойми, монах,
С моим возлюбленным при встрече
Поцеловаться в небесах!»

БИЛЬБОКЕ

К дофину Франции, в печали,
Скользнув тайком из-за угла,
Однажды дама под вуалью
На аудиенцию пришла.
И пред пажом склонила взоры:
«Молю, дофина позови!
Скажи ему, я та, которой
Поклялся в вечной он любви!»
«Что вас так всех к дофину тянет?
Прошу, присядьте в уголке!
Дофин устал! Дофин так занят!
Дофин играет в бильбоке!»

К дофину Франции в покои,
Примчав коня во весь опор,
С окровавленной головою
Ворвался бледный мушкетер:
«Эй, паж, беги скорей к дофину!
Приходит Франции конец!
О, горе нам! Кинжалом в спину
Убит король — его отец!»
«Что вас так всех к дофину тянет?
Прошу, присядьте в уголке!
Дофин устал! Дофин так занят!
Дофин играет в бильбоке!»

К дофину Франции, в финале,
Однажды через черный ход,
Хотя его не приглашали,
Пришел с дрекольями народ!
Веселый паж, не без причины,
Протер глаза, потрогал нос
И, возвратившись от дофина,
С полупоклоном произнес:
«Что вас так всех к дофину тянет?
Прошу, присядьте в уголке!
Дофин устал! Дофин так занят!
Дофин играет в бильбоке!»

РАССЕЯННЫЙ КОРОЛЬ

Затянут шелком тронный зал.
На всю страну сегодня
Король дает бессчетный бал
По милости Господней.
Как и всегда, король там был
Галантен неизменно
И перед дамой преклонил
Высокое колено...

Старый шут, покосившись на зал,
Подняв тонкую бровь, прошептал:
«Он всегда после бала веселого
Возвращается без головы!..
Как легко вы теряете голову!
Ах, король, как рассеянны вы!»

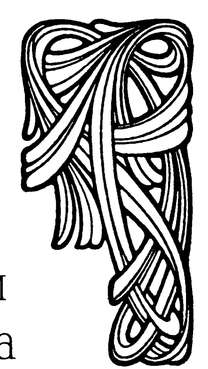
Затянут красным тронный зал.
На всю страну сегодня
Народ дает свой первый бал
Без милости Господней!
Как и всегда, король там был
Галантен неизменно
И перед плахой преклонил
Высокое колено...

Старый шут, покосившись на зал,
Подняв тонкую бровь, прошептал:
«Он всегда после бала веселого
Возвращается без головы!..
Как легко вы теряете голову!
Ах, король, как рассеянны вы!»

ВОТ И ВСЁ!

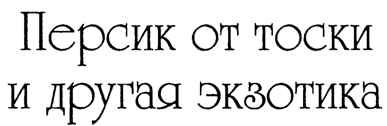
В саду у дяди-кардинала,
Пленяя грацией манер,
Маркиза юная играла
В серсо с виконтом Сен-Альмер.
Когда ж, на солнце негодуя,
Темнеть стал звездный горизонт,
Тогда с ней там в игру другую
Сыграл блистательный виконт...
И были сладки их объятья,
Пока маркизу не застал
За этим ветреным занятьем
Почтенный дядя-кардинал.
В ее глазах сверкнули блестки
И, поглядевши на серсо,
Она поправила прическу
И прошептала: «Вот и всё!»

Прошли года... И вот без счета
Под град свинца — за рядом ряд —
Ликуя, вышли санкюлоты
На исторический парад...
Гвардейцы, что ж вы не идете?
И в этот день, слегка бледна,
В последний раз — на эшафоте
С виконтом встретилась она...
И перед пастью гильотины
Достав мешок для головы,
Палач с галантностью старинной
Спросил ее: «Готовы ль вы?»
В ее глазах потухли блестки,
И, как тогда, в игре в серсо,
Она поправила прическу
И прошептала: «Вот и всё!»

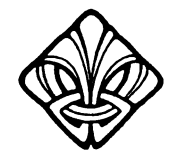

Часть вторая

Персик от тоски и другая экзотика

ПЕРС НА КРЫШЕ

Хорошо жить на востоке,
Называться Бен-Гассан
И сидеть на солнцепеке,
Щуря глаз на Тегеран...

К черту всякие вопросы!
Тишь и гладь да благодать!
Право, с собственного носа
Даже муху лень согнать!..

Прямо даже непонятно:
Персия это? Иль персидский рай?..
Ай, как хорошо! Ай, как приятно!
Ай, яй-яй-яй-яй-яй!..

Хорошо сидеть на крыше
Персом с ног до головы...
И толстеть там от кишмиша,
Абрикосов и халвы!..

Если ж станет очень грустно,
Скушай персик от тоски!..
Ай, как вкусны! Ай, как вкусны!
Ай, как вкусны персики!..

Прямо даже непонятно,
Персия это? Иль персидский рай?..
Ай, как хорошо! Ай, как приятно!
Ай, яй-яй-яй-яй-яй!..

Чтоб любви не прекословить,
Стоит только с крыши слезть!
Кроме персиков, еще ведь
Персиянки тоже есть!..

Ай, Лелива! Глаз, как слива!
Шаль пестра, как попугай!
Ай, Лелива! Ай, Лелива!
Как целуется! Ай-яй!!!

Прямо даже непонятно,
Персия это? Иль персидский рай?..
Ай, как хорошо! Ай, как приятно!
Ай, яй-яй-яй-яй-яй!..

ЗЮЛЕЙКА

У Зюлейки-ханум
Губы, как рахат-лукум,
Щеки, как персики из Азарбинада,
Глаза, как сливы из шахского сада!
Азербайджанской дороги длинней
Зюлейкины черные косы,
А под рубашкой у ней
Спрятаны два абрикоса!
И вся она, вва!
Как халва!
Честное слово!
Только любит она не меня,
А другого!

ПОЧЕМУ?

Много есть персиянок на свете,
Но, собою их всех заслоня,
Как гора Арарат на рассвете,
Лучше всех их Зюлейка моя!
Почему?
Потому!

Много персов есть всяких на свете,
Но, собою их всех заслоня,
Как гора Арарат на рассвете,
Больше всех ей понравился я!
Почему?
Потому!

Много есть ишаков в нашем месте:
Сосчитать их не хватит ста лет.
Только все же глупей их всех вместе
Муж Зюлейки — Гассан Бен-Ахмет.
Почему?
Потому!

ИШАК И АБДУЛ

Раз персидскою весною
Шел Абдул к Фатиме в дом
С нагруженным косхалвою
Очень глупым ишаком...
Шел Абдул и пел: «Всю ночь-то
Процелуюсь я! Да как!
Ты ж не будешь! Оттого, что
Я — Абдул, а ты — ишак!»
Так, смеясь весьма ехидно
И хватаясь за бока,
В выражениях обидных
Пел Абдул про ишака:
«Вот идет со мной ишак!
Он один, а глуп, как два!
Ай, какой смешной ишак!
Вва!»

И, придя к ней, стук в окошко:
«Вот и я, Фатима, здесь!
Целоваться вы немножко
Не интересуетесь?!»
Но она ему на это
Отвечала кратко, что
Мужу, старому Ахмету,
Не изменит ни за что!
Он сказал: «Ай, как вы строги!»
И ушел домой он... Так!
И обратно по дороге
Про Абдула пел ишак:
«Вот идет со мной ишак!
Он один, а глуп, как два!
Ай, какой смешной ишак!
Вва!»

БРОДЯЧИЙ ИШАК

По горам, за шагом шаг,
Неизвестный шел ишак!
Шел он вверх, шел он вниз.
Через весь прошел Тавриз,
И вперед, как идиот,
Все идет он да идет.
И куда же он идет?
И зачем же он идет?

А тебе какое дело?

ГОСПОЖА ЧИО-САН ИЗ КИОТО

О, Ниппон! О, Ниппон!
О, фарфоровый звон
Из-за дымки морского тумана!
О, Ниппон! О, Ниппон!
Шелком тканый Ниппон!
Золотистый цветок океана!
Ах, весной весь Ниппон
Поголовно влюблен,
И весной, сердцем к сердцу приникши,
Разбредясь по углам,
Все целуются там
От микадо до голого рикши!
Даже бонза седой
За молитвой святой
Всем богам улыбается что-то...
Лишь одна, лишь одна,
Как фонтан холодна,
Госпожа Чио-Сан из Киото.

И шептали, лукаво смеясь, облака:
«Чио-Сан! Чио-Сан! Полюби хоть слегка!»
И шептали, качаясь на стеблях, цветы:
«Чио-Сан! Чио-Сан! С кем целуешься ты?»
И шептал ей смеющийся ветер морской:
«Чио-Сан! Чио-Сан! Где возлюбленный твой?»
И шептало ей юное сердце:
«Ах, как хочется мне завертеться!»

И откликнулась Чио на зов майских дней.
И однажды на пристани вдруг перед ней
Облака, и цветы, и дома, и луна
Закружились в безудержном танце!..
Полюбила она, полюбила она
Одного моряка-иностранца.
Он рассеянным взором по Чио скользнул,
Подошел, наклонился к ней низко,
Мимоходом обнял, улыбнулся, кивнул,
И уехал он в Сан-Франциско.
И осталась одна
Чио-Сан у окна,
А моряк где-то рыщет по свету...
И весна за весной
Проходили чредой,
А любимого нету и нету!

И шептались, лукаво смеясь, облака:
«Чио-Сан! Чио-Сан! Не вернешь моряка!»
И шептали, качаясь на стеблях, цветы:
«Чио-Сан! Чио-Сан! С кем целуешься ты?»
И шептал ей смеющийся ветер морской:
«Чио-Сан! Чио-Сан! Где возлюбленный твой?»
И шептало ей юное сердце:
«Ах, как хочется мне завертеться!»

Но сказала в ответ
Чио-Сан: «Нет! Нет! Нет!
Не нарушу я данного слова!»
И ночною порой
С неотертой слезой
Чио-Сан... полюбила другого!

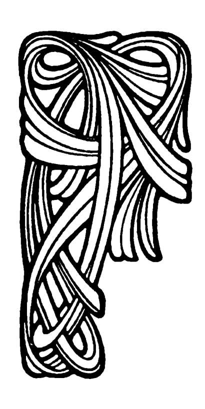
ПЕСЕНКА О НЕКОЕЙ КИТАЙСКОЙ БАРЫШНЕ АО

В молчаньи, с улыбкой лукавой,
В Китае китайский пьет чай
Китайская барышня Ао
Сун Фу Липо Тань Ти Фон Тай.
Согласно привычке старинной,
Пыхтя от любовных забот,
К ней как-то с умильною миной
Явился китайский Эрот:
«Послушайте, барышня Ао,
Нельзя же все время пить чай!
Ах, барышня Ао, в вас, право,
Влюблен целиком весь Китай!
Взгляните, как ясен день майский!
Вот глупая!» И, на финал,
Он в злости ее по-китайски
Китайскою дурой назвал...
И быстро ушел, негодуя,
Прервавши с ней свой разговор...
Вот все!.. Что ж поделать могу я,
Когда вдалеке до сих пор
В молчаньи, с улыбкой лукавой
В Китае китайский пьет чай
Китайская барышня Ао
Сун Фу Липо Тань Ти Фон Тай!..

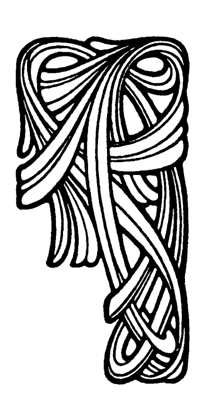
КИТАЙЧОНОК ЛИ

Чуть-чуть не с пеленок
Таская кули,
Жил-был китайчонок
По имени Ли.
К научной программе
Никак не влеком,
Ходил он с кулями
Дурак-дураком!
Никакой с ним нету силы,
Как его ни шевели!
Ах и глуп же ты, мой милый
Китайчонок Ли!
Но вот, как ни странно,
В вечерний досуг
К жене богдыхана
Забрался он вдруг.
В окно к богдыханше
Залезть не пустяк!
Ах, ну и болван же!
Ах, ну и дурак!
Никакой с ним нету силы,
Как его ни шевели!
Ах и глуп же ты, мой милый
Китайчонок Ли!

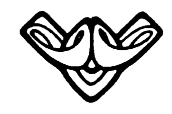
Ему было худо!
И бросился вспять
Он бомбой оттуда
Часов через пять.
В горячности странной,
Вслед сжавши кулак,
Жена богдыхана
Промолвила так:
«Никакой с ним нету силы,
Как его ни шевели!
Ах и глуп же ты, мой милый
Китайчонок Ли!»

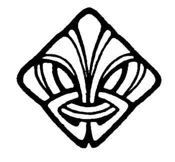

Часть третья

Невозможное

ТАК ПОЕТСЯ В СТАРОЙ ПЕСНЕ

В старом замке за горою
Одинокий жил кудесник.
Был на «ты» он с сатаною.
Так поется в старой песне...
Был особой он закваски:
Не любил он вкуса пудры
И не верил женской ласке,
Потому что был он мудрый!
Но без женской ласки, право,
Жизнь немного хромонога!
Деньги, почести и слава
Без любви?.. Да ну их к Богу!
И сидел он вечер каждый,
О взаимности тоскуя.
И задумал он однажды
Сделать женщину такую,
Чтоб она была душевно
Наподобие кристалла,
Не бранилась ежедневно
И не лгала! И не лгала!
И склонясь к своим ретортам,
Сделал женщину кудесник,
Ибо он на «ты» был с чертом.
Так поется в старой песне...
И чиста, и непорочна
Из реторты в результате
Вышла женщина!.. Ну точно
Лотос Ганга в женском платье.
И была она покорна,
Как прирученная лайка,
Как особенный, отборный
Черный негр из Танганайка!
И как будто по заказу
Все желанья исполняла.
И не вскрикнула ни разу,
И ни разу не солгала...

Ровно через две недели
Вышел из дому кудесник
И... повесился на ели.
Так поется в старой песне!

О ДРАКОНЕ, КОТОРЫЙ ГЛОТАЛ ПРЕКРАСНЫХ ДАМ

Как-то раз путем окрестным
Пролетал дракон... И там
По причинам неизвестным
Стал глотать прекрасных дам.

Был ужасный он обжора,
И, глотая что есть сил,
Безо всякого разбора
В результате проглотил:

Синьориту Фиаметту,
Монну Юлию Падетту,
Аббатиссу Агриппину,
Синьорину Фарнарину,
Монну Лючию ди Рона,
Пять сестер из Авиньона
И шестьсот семнадцать дам,
Неизвестных вовсе нам!

Но однажды граф Тедеско
Забежав дракону в тыл,
Вынул меч и очень резко
С тем драконом поступил!..

Разрубив его на части,
Граф присел... И в тот же миг
Из драконьей вышли пасти
И к нему на шею прыг:

Синьорита Фиаметта,
Монна Юлия Падетта,
Аббатисса Агриппина,
Синьорина Фарнарина,
Монна Лючия ди Рона,
Пять сестер из Авиньона
И шестьсот семнадцать дам,
Неизвестных вовсе нам!

Бедный тот дракон в несчастьи,
Оказавшись не у дел,
Подобрал свои все части,
Плюнул вниз и улетел!

И, увы, с тех пор до гроба
Храбрый граф, пустившись в путь,
Все искал дракона, чтобы
С извинением вернуть:

Синьориту Фиаметту,
Монну Юлию Падетту,
Аббатиссу Агриппину,
Синьорину Фарнарину,
Монну Лючию ди Рона,
Пять сестер из Авиньона
И шестьсот семнадцать дам,
Неизвестных вовсе нам!

КОРОЛЬ БУБЁН

В далеком неком царстве,
В заморском государстве,
Хоть это выражение
Немного старовато,
Но все же, тем не менее,
Жил-был король когда-то!
Как водится, конечно,
Он жил весьма приятно:
Любил народ сердечно
И был любим обратно!
И назывался он
Король Бубён!

Однажды на балу
Король, к стыду и сраму,
Заметил вдруг в углу
Неведомую даму.
«О, кто вы, дивный Икс?..
Эй ты, Валет Червей,
Кто это?» — «Дама-с Пик-с!»
«Позвать ее скорей!..»

Покинув бал тайком,
Пылая страстью низкой,
Сидят в саду вдвоем
Король с авантюристкой.
Лаская так и сяк,
Вдруг молвил он расстроясь:
«Позвольте, как же так?
Вы... Только лишь... По пояс?!»
И крикнул, полон гнева:
«Вы, значит, полудева?!»

На что сия кокотка
Ответствовала кротко,
Без слез и не грубя:
«Взгляните на себя!»
Взглянул и был весьма смущен
Безногий тот Король Бубён!..

Вздохнули оба платонично,
И, против ожиданья,
Окончилось свиданье,
Увы, вполне прилично!

СЛОН И МУХА

Однажды некий толстый Слон,
Красою Мухи поражен,
К той Мухе, словно феодал,
Преступной страстью воспылал!

Но Муха, быстро рассудив,
Что толстый Слон, хоть и красив,
Но все ж велик для жениха,
Взяла и скрылась... от греха!

Влюбленный Слон не пил, не ел,
Влюбленный слон худел, бледнел
И таял, таял по часам...
«Dans chaque malheur — cherchez la femme...»*

И, как французский томный граф,
Он умер, тихо прошептав:
«Не для меня придет весна...»
Так муха слопала слона!

Отсюда ясно, что слоны
Влюбляться в муху не должны,
Зане на сей предмет для них
Судьба назначила слоних!

* В каждой беде ищи женщину.

ФАРФОРОВАЯ ЛЮБОВЬ

В старомодном тихом зальце
Увлеклись, скосивши взоры,
Два фаянсовых китайца
Балериной из фарфора.

Увидав, что близок Эрос,
Улыбнулась танцовщица,
И ей очень захотелось
Перед ними покружиться.

Как легки ее движенья!
Как скользит она по зале!
И китайцы в умиленьи
Головами закачали!

И меж ними танцовщица,
Улыбаясь им лукаво,
Все кружится да кружится,
То налево, то направо!

И, споткнувшись в авантаже,
Вдруг упала без движенья!
Ах, в глазах китайцев даже
Потемнело от волненья!

Ах, как больно!.. Словно в спины
Им воткнули вдруг иголки!
Ах, разбилась балерина
На мельчайшие осколки!

Так окончился в том зальце —
Неожиданно и скоро —
Флирт фаянсовых китайцев
С балериной из фарфора.

ЖИРАФ И ГИППОПОТАМША

Однажды в Африке
Купался Жираф в реке.
Там же
Купалась Гиппопатамша.
Ясно,
Что она была прекрасна.

Не смотрите на меня так странно,
Хотя Гиппопотамши красотою не славятся,
Но она — героиня романа
И должна быть красавицей!

При виде прекрасной Гиппопотамши
Жесткое Жирафино сердце
Стало мягче самой лучшей замши
И запело любовное скерцо!

Но она,
Гиппопотамова жена,
Ответила ясно и прямо,
Что она — замужняя дама
И ради всякого сивого мерина
Мужу изменять не намерена!

А если, мол, ему хочется жениться,
То, по возможности скорей,
Пусть заведет жирафиху-девицу
И целуется с ней!
И будет его жребий радостен и светел!..
А там, глядишь, и маленькие жирафчики появились!..

Жираф ничего не ответил...
Плюнул — и вылез!

СОБАЧИЙ ВАЛЬС

Длинна, как мост, черна, как вакса,
Идет, покачиваясь, Такса...
За ней шагает, хмур и строг,
Законный муж ее — Бульдог!

Но вот, пронзенный в грудь с налета
Стрелой собачьего Эрота,
Вдруг загорелся, словно кокс,
От страсти к Таксе встречный Фокс!

И был скандал! (Ах, знать должны вы —
Бульдоги дьявольски ревнивы!)
И молвил встречный Пудель: «Так-с,
Не соблазняй семейных такс!»

И, получив на сердце кляксу,
Фокс так запомнил эту таксу,
Что даже на таксомотор
Смотреть не мог он с этих пор!

ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ТРИОЛЕТЫ

Жил-был зеленый Крокодил
Аршина, эдак, на четыре...
Он был в расцвете юных сил!
И по характеру он был,
Пожалуй, самым милым в мире —
Зеленый этот Крокодил
Аршина, эдак, на четыре!

Вблизи же как будто цвела
Слониха, так, пудов на двести!..
И грациозна, и мила,
Она девицею была...
И безо всякой лишней лести,
Как роза майская цвела,
Слониха та пудов на двести!

Слониха та и Крокодил
Дошли в любви вплоть до чахотки:
Слонихин папа строгий был
И брака их не разрешил.
Слова финальные коротки:
Слониха та и Крокодил
Скончались оба от чахотки!

ПОЧЕМУ ОБЕЗЬЯНЫ НЕ МОГУТ ЛЮБИТЬ ПРЕКРАСНЫХ ДАМ

Сбившись в слабостях со счета,
Догаресса монна Бланка
В ожидании Эрота
Забавлялась с обезьянкой.

И, взглянув на вещи прямо,
В элегическом мечтаньи
Говорила эта дама
Удивленной обезьяне:

«Почему мы к вам так строги?
Ведь среди знакомых дожей
Я встречала очень многих,
Как две капли с вами схожих!

Все, что требует от мужа
Эротический регламент,
Все у вас есть! Плюс к тому же
Африканский темперамент!»

«Ах, мадам, не в том вопрос-то! —
Шимпанзе сказал, вздыхая, —
Это все ужасно просто!
И причина здесь иная!

Чтоб доставить даме счастье,
С вашим мужем, старым дожем,
Потягаться в деле страсти,
Черт возьми, конечно, можем!

Я бы мог быть Арлекином!
(Шимпанзе ведь не священник!)
Но, что делать? Для любви нам
Не хватает только денег!»

МОЛЛИ

Там, где на пальме триста шестьдесят пять раз в году,
Целуясь на ходу,
Смеются какаду,
И о любви своей к одной из местных черных дам
Грустит Гиппопотам.
Приятно очень там.

Там негритянка Молли с папой, с мамой живет
Без горя и забот
Сорок четвертый год.
И в страсти африканской загораясь, словно спирт,
Ведет под сенью мирт
Со всей Сахарой флирт.

Молли — чернее самых лучших всех чернил!
Молли — сердца глотает, словно крокодил!
Молли — со всею Африкой в любви нежна!
Молли — нежнее даже, чем филе слона!

Однажды к этой Молли как-то утром на порог
Пришел, не чуя ног,
Один Единорог.
И молвил томно ей:
«О, Молли, черный ангел мой,
Бежим скорей со мной и будьте мне женой!»

Она к нему на спину влезла, как на дилижанс,
И, потеряв баланс,
Пошла на мезальянс.
И Брэму вопреки, Единорог тот на финал —
О горе! О скандал! —
Двурогим стал.

Молли — чернее самых лучших всех чернил!
Молли — сердца глотает, словно крокодил!
Молли — со всею Африкой в любви нежна!
Молли — нежнее даже, чем филе слона!

КРОКОДИЛ И НЕГРИТЯНКА

Удивительно мил,
Жил да был Крокодил,
Так, аршина в четыре, не боле!..
И жила да была,
Тоже очень мила,
Негритянка по имени Молли.
И вот эта Молли-девица
Решила слегка освежиться.
И, выбрав часок между дел,
На речку купаться отправилась...
Крокодил на нее посмотрел.
Она ему очень понравилась
И он ее съел!..
А, съевши, промолвил: «Эх-ма,
Как милая Молли прекрасна!»

Любовь крокодилов весьма
Своеобразна!

КУПАЛЬЩИЦА И КИТ

Как-то раз купалась где-то
В море барышня одна.
Мариэтта! Мариэтта!
Называлась так она.
Ах, не снился и аскету,
И аскету этот вид!
И вот эту Мариэтту
Увидал Гренландский Кит.

И, увлекшись Мариэттой,
Как восторженный дурак,
Тут же с барышнею этой
Пожелал вступить он в брак.
Но пока он ту блондинку
Звал в мечтах своей женой,
Та блондинка — прыг в кабинку
И ушла к себе домой.

И, разбив мечты свои там,
Горем тягостным убит,
В острой форме менингитом
Заболел Гренландский Кит.
Три недели непрестанно
Кит не спал, не пил, не ел,
Лишь вздыхал, пускал фонтаны
И худел, худел, худел!..

И вблизи пустой кабинки,
Потерявши аппетит,
Стал в конце концов сардинкой
Si devant — Гренландский Кит!

ТРИОЛЕТЫ С БЕНЗИНОМ

Сказал мне Примус по секрету,
Что в Зажигалку он влюблен!
И, рассказавши повесть эту,
Впервые сказанную свету,
Вздохнул и очень был смущен...
Сказал мне Примус по секрету,
Что в Зажигалку он влюблен...

Но Зажигалке и милее,
И симпатичнее был «Форд»!
И без любовного трофея
Из этой повести в три шеи
Был Примус выброшен за борт!
Ах! Зажигалке и милее,
И симпатичнее был «Форд»!

Тогда, нажав на регулятор,
Взорвался Примус от любви!
Так, не дождавшись результата,
Хоть стильно, но и глуповато,
Свел с «Фордом» счеты он свои.
И вот, нажав на регулятор,
Взорвался Примус от любви!

Но, к счастью для его хозяйки,
Был не опасен этот взрыв.
Взревев, как негр из Танганайки,
Он растерял лишь только гайки,
Свою горелку сохранив!
Да! К счастью для его хозяйки,
Был не опасен этот взрыв!

Пусть пахнет песенка бензином,
Довольно нам любовных роз!
И Примус с очень грустной миной
По всем посудным магазинам
В починку сам себя понес!..
Пусть пахнет песенка бензином,
Довольно нам любовных роз!

ШАХМАТЫ

Как-то, где-то и когда-то приглянулся свыше мер
Белокурой королеве черноглазый офицер...
И, сведя вопросы чести приблизительно к нулю,
Королева с офицером изменила королю...

Черноглазый иностранец
Разыгрался, что кентавр,
И сильнее сотни пьяниц
Охмелел от страсти мавр!..
Был скандал... (Ах, мавры дики!)
И король, собрав улики,
Под давлением молвы
Мавританскому владыке
Шлет гонца: «Иду на вы!»

Дорог каждому престиж,
Черт возьми, noblesse oblige!

Ша-а-гом марш! За ротой рота
Бодро двинулась пехота,
Ощетинивши штыки...
Каждый смотрит очень люто,
Кто-то в зубы дал кому-то.
Словом, «рвутся в бой полки!»

Там и тут попеременно
Двух разведчиков мгновенно
Подстрелили, как тетерок.
И в момент дав полный ход,
Некий юный офицерик
Лихо вынесся вперед...
Пролетел сквозь строй, что птица,
И, желая отличиться,
Закричал: «Шах королю!»
Но солдат, шагнувши с края,
Пробурчал, штыком играя:
«Эй, не балуй, заколю!..»
Офицерик вскрикнул: «Ах!»
И умчался второпях!

Грянул бой!.. На поле брани
Сплошь черно от басурман,
Давят смуглые южане
Бледнолицых северян...
И зигзагами по трупам
Скачет конница в карьер!..
Здесь не место вздохам глупым:
A la guerre, comme a la guerre!

Но по долгу дисциплины
Бьются белые дружины
Третий час сполна...
Вдруг раздался крик: «Эй, братцы,
Бесполезно защищаться,
Наша участь решена,
В город враг уже ворвался!..»
И прошамкав: «Вот те на»,
Вмиг король рокировался
Под прикрытием слона...

Тсс! Теперь игра другая!..
И, огнем раздражены,
С диким ревом, громыхая,
В битву двинулись слоны!..

Пусть твердят в марксистской Мекке,
Что, мол, личность это ноль,
Круглый ноль, как там ни сетуй...
Да простят меня эс-дэки,
Но в истории вот этой
Личность все ж сыграла роль!

Мавры, мавры, что такое?!
Отчего и там, и тут
Отдаете вы без боя
За редутами редут?!
Бог войны уже ведь лавры
Приготовил вам, а вы?!
О, стыдитесь, мавры, мавры,
Убегающие львы!

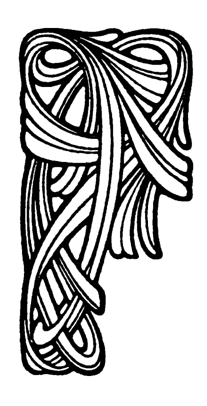
Но с отчаяньем во взоре
Мчатся вспять они, в карьер!
«Эй, измена! Горе! Горе!
Предал братьев офицер!

Ах, недаром, окаянный,
До войны, как говорят,
Королеве иностранной
Объявил в алькове мат!»

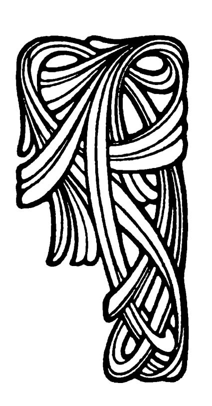
А предатель тот презренный,
Бросив в сторону кинжал,
Без оружия, смиренно,
К даме сердца подскакал.
В ноги бух! «Объятий страстных
Не забыл я... И в бою
Ради ваших глаз прекрасных
Предал родину свою.
О, бежим скорей, царица,
В благодатный чуждый край!
Там, как в сказке говорится,
В шалаше устроим рай!»

«Что вы? Что вы? Полно, ферязь,
Успокойтесь! Вот чудак!
Вы плетете, сударь, ересь,
Вы нахал и вы пошляк!
Ваша пошленькая шутка
Неприлична и смешна!..
Я же ведь не институтка,
Чтобы прыгать из окна!..
И к тому же вы изменник,
Вам нельзя подать руки!
И... у вас не хватит денег
Даже мне на башмаки!»

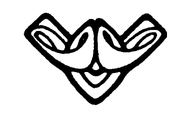
И по знаку королевы, взвыв за несколько персон,
Растоптал его в месиво разъяренный белый слон.
Ибо женщина, как замок, возведенный на песке,
Одинакова и в жизни, и на шахматной доске!

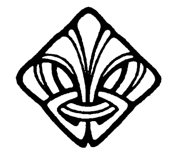

Часть четвертая

С натуры

ТРЕНЬ-БРЕНЬ!

В тот день все люди были милы
И пахла, выбившись из силы,
Как сумасшедшая, сирень.
Трень-брень!

И, взяв с собою сыр и булку,
Сюзанна вышла на прогулку.
Ах, скучно дома в майский день!
Трень-брень!

Увидев издали Сюзанну,
Благословлять стал Жан Осанну,
И прыгнул к ней через плетень!
Трень-брень!

Пылая факелом от страсти,
Промолвил Жан Сюзанне: «Здрасьте!»
И тотчас с ней присел на пень.
Трень-брень!

Была чревата эта встреча!
И поглядев на них, под вечер
Стал розоветь в смущеньи день!
Трень-брень!

И вот наутро, как ни странно,
Не вышла к завтраку Сюзанна!
У ней всю ночь была мигрень!
Трень-брень!

АМЕРИКАНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Мистер Томас Аткинсон
(Производство макарон
«Аткинсон и сын»,
Нью-Йорк, улица Юньон,
Дом 108, телефон
300-01)
Был влюблен в мисс Кетти Броуд
(Ателье парижских мод
«Шляпы и эспри»,
Броуд энд Компани, Бостон,
Дом Карнеджи, телефон
20-43).

«Я богат, мне сорок лет,
Время — деньги... «Да»? иль «Нет»?»
Молвил мистер Аткинсон
(Производство макарон,
Нью-Йорк, улица Юньон,
Дом 108, телефон
300-01),
Позвонив к мисс Кетти Броуд
(Ателье парижских мод
«Шляпы и эспри»,
Броуд энд компани, Бостон,
Дом Карнеджи, телефон
20-43).

Но в ответ сказала: «Нет»,
И дала отбой мисс Броуд
(Ателье парижских мод
«Шляпы и эспри»,
Броуд энд компани, Бостон,
Дом Карнеджи, телефон
20-43).

Потрясенный миллиардер
Быстро вынул револьвер,
Осмотрел и — бух
В двух целующихся мух
Мистер Томас Аткинсон
(Производство макарон
«Аткинсон и сын»,
Нью-Йорк, улица Юньон,
Дом 108, телефон
300-01).

НЕГРИТЕНОК ДЖИМ

К некоей леди в шикарнейший зал,
В силу печальных событий,
Джим-негритенок лакеем попал
Прямо с родного Таити.

И, запыхавшись средь всяческих дел,
Вазу разбил как-то раз он!..
Он быть лакеем еще не умел,
И был за это наказан.

«Ах, госпожа, где же мог я узнать,
Как обращаться с вещами такими?!
Нехорошо, госпожа, обижать
Бедного черного Джимми!..»

Леди была словно сахар бела,
Джим же был черен как сажа.
Но... Настигает Эрота стрела
И папуасов ведь даже!

И в умилении леди в плечо
Вдруг укусил как-то раз он.
Он не умел целоваться еще,
И был за это наказан.

«Ах, госпожа, где же мог я узнать,
Как обращаться с вещами такими?!
Нехорошо, госпожа, обижать
Бедного черного Джимми!..»

ФИ!

С томной Софи на борту пакетбота
Плыл лейтенант иностранного флота.
Перед Софи он вертелся, как черт...
И, завертевшись, свалился за борт.

В тот же момент к лейтенанту шмыгнула,
Зубы оскалив, большая акула...
Но лейтенант не боялся угроз
И над акулою кортик занес.

Глядя на это в смущеньи большом,
Вскрикнула, вдруг побледневши, Софи:
«Ах, лейтенант! Что вы? Рыбу — ножом?!
Фи!»

И, прошептавши смущенно: «Пардон...» —
Мигом акулой проглочен был он!

ЛЕДА И ЛЕДИ

Между статуй прямо к Леде
Шла по парку гордо леди...
А за нею чинно следом
Шел лакей с шотландским пледом.

И сказала строго леди,
Подойдя вплотную к Леде:
«Шокинг!» И за этим вслед
Завернула Леду в плед.

О, заботливая леди,
Плед не нужен вовсе Леде!
Уверяю вас: для Леды
Нужен лебедь, а не плед!

СЛУЧАЙ В СЕНТ-ДЖЕЙМСКОМ СКВЕРЕ

Нет черней физиономии
Ни в Тимбукту, ни в Танжере,
Чем у некоего Томми
И его подруги Мэри.

Этот Томми с этой Мэри,
Вспыхнув в страсти вроде спирта,
Порешили в ближнем сквере
Ночью встретиться для флирта.

Целый день бродя в истоме,
Оба думали о сквере...
Вот и ночь! Но где же Томми?
Вот и ночь! Но где же Мэри?

Неужели разлюбили,
Хоть клялись любить до гроба?
Нет! Их клятвы в прежней силе,
И они явились оба.

Отчего же незаметно
Их тогда в притихшем сквере?
Оттого, что одноцветны
Ночью Том и Мэри!

Так всю ночь в Сент-Джеймском сквере,
Сделав сто четыре круга,
Черный Томми с черной Мэри
Не могли найти друг друга.

С НАТУРЫ

Из кабинки
Две блондинки
Грациозно
И нервозно
Воду пробуют ногами.
Вид их очень
Беспорочен...
Вдруг из леса
Два балбеса,
Два балбеса с «кодаками»...
Дышат страстно,
Ну и, ясно,
Шесть пластинок
На блондинок
Вмиг прощелкали слюнтяи!

А блондинки
Из кабинки
Шепчут томно,
Возмущенно:
«Хулиганы, негодяи!..»
И экстазно устремляя
Взоры к Богу в небеса,
Поправляют волоса...

БИМ-БОМ

Где-то давно, в неком цирке одном
Жили два клоуна Бим и Бом.
Бим-Бом! Бим-Бом!

Как-то, увидев наездницу Кэтти,
В Кэтти влюбились два клоуна эти
Бим-Бом! Бим-Бом!

И очень долго в петрарковском стиле
Томно бледнели и томно грустили
Бим-Бом! Бим-Бом!

И наконец, влезши в красные фраки,
К Кэтти явились, мечтая о браке,
Бим-Бом! Бим-Бом!

И, перед Кэтти представши, вначале
Сделали в воздухе сальто-мортале
Бим-Бом! Бим-Бом!

«Вы всех наездниц прекрасней на свете, —
Молвили Кэтти два клоуна эти,
Бим-Бом! Бим-Бом!

Верьте, сударыня, в целой конюшне
Всех лошадей мы вам будем послушней!»
Бим-Бом! Бим-Бом!

И в умиленьи, растрогавшись очень,
Дали друг другу по паре пощечин
Бим-Бом! Бим-Бом!

Кэтти смеялась и долго и шумно:
«Оля-ля! Браво! Вы так остроумны,
Бим-Бом! Бим-Бом!»

И удалились домой, как вначале,
Сделавши в воздухе сальто-мортале,
Бим-Бом! Бим-Бом!

И поступили, в любовном эксцессе,
С горя, в Бюро похоронных процессий
Бим-Бом! Бим-Бом!

НИКОЛЕТТА

Как-то раз, порой вечерней,
В покосившейся таверне
У красотки Николетты
(Чьи глаза как два стилета)
Нас собралось ровно семь.
(Пить хотелось очень всем!)
За бутылкою киянти
Толковали мы о Канте,
Об его «императиве»,
О Бразилии, о Хиве,
О сидящих vis-a-vis,
И, конечно, о любви!

Долго это продолжалось...
В результате ж оказалось,
Что красотка Николетта
(Чьи глаза как два стилета!)
В развращенности своей
Делит страсть на семь частей!!!

«Нет! — воскликнули мы хором, —
Не помиримся с позором!
Так мы этого не бросим,
Подзовем ее и спросим!
Пусть сгорает со стыда!
(Рассердились мы тогда!)
Почему о, Николетта,
(Чьи глаза как два стилета)
Вы связали ваше имя
Сразу с нами семерыми?»

Но ответ был дня ясней:
«Ах, в неделе ведь семь дней...»
Больше мы ее не спросим,
Слава Богу, что не восемь...

ЗВЕЗДОЧЕТ

Следя за шашнями светил,
Без горя и забот,
В высокой башне жил да был
Почтенный звездочет.
Он был учен и очень мудр...
Но шутит зло Эрот!
И вот в одно из вешних утр
Женился звездочет.

У звездочетовой жены
Глаза, что пара звезд,
Лицо, как томный лик луны,
А страсть — кометин хвост!
Она грустна, она бледна,
У ней влюбленный вид,
А звездочет всю ночь сполна
За звездами следит.

Бледнее каждою весной,
Как лилия в снегу,
Она с особенной тоской
Глядела на слугу...
Был недогадлив тот слуга...
Но все же, как-то раз,
Воскликнул вдруг слуга: «Ага!»
И... кончен мой рассказ!

Отсюда вывод же такой:
Коль мужем стать пришлось,
Смотри ты лучше за женой,
А звезды — брось!

МЭРИ ПИКФОРД

В Америке где-то,
Судя по газетам,
Есть город такой, Голливуд...
И в городе этом,
Судя по газетам,
Лишь киноактеры живут!
И там неизменно
Пред всею вселенной
Сквозь первый в Америке взор,
Как синие птицы,
Трепещут ресницы
У маленькой Мэри Пикфорд!

В Париже, на Яве,
В Тимбукту, в Варшаве,
От Лос-Анджелос до Ельца
Пред маленькой Мэри
Раскрыты все двери
И настежь раскрыты сердца!..
И каждый свой вечер,
Стремясь к ней навстречу,
Следят по экранам в упор
Глаза всего света
За маленькой этой,
За маленькой Мэри Пикфорд!

И вечером сонным
Для всех утомленных
Своей кинофирмой дана,
Восходит багряно
На киноэкранах,
Как солнце ночное, она!
И вьется, и мчится
По вздрогнувшим лицам
Тот первый в Америке взор!..
И сколько улыбок
На свете погибло б
Без маленькой Мэри Пикфорд?!

ПРОСТИТУТКА

У лавки мясной, где в витрине
Кровавится мясо кусками,
Остановилась девушка с синими
Подведенными глазами...

И под бесплатным светом витринным
Около мяса, сама, как на блюде,
Заулыбалась прохожим мужчинам
Глазами, плечами и грудью...

Мясник с ухваткою торговою
Медяками звякал из кассы:
«Посмотрите, какое дешевое,
Какое свежее мясо!»

К девушке с подведенными глазами
Подходили разные люди
И шептались мясными словами
С ее плечами и грудью...

Кухарки в мясной лавке
Долго в кровяной куче
Перебирали мясо на прилавке,
Выбирая куски получше...

И кто-то, подойдя сбоку
Дрыгающими шагами,
Наконец взял под локоть
Девушку с подведенными глазами.

А мясник с ухваткою торговою
По-прежнему звякал из кассы:
«Посмотрите, какое дешевое,
Какое свежее мясо!»

НЕГРИТЕНОК ПОД ПАЛЬМОЙ

О, иностранец в шляпе, взвесь
Мою судьбу! Всю жизнь с пеленок
Сижу под пальмой здесь
Я — бедный черный негритенок!

Я так несчастен! Прямо страх!
Ах, я страдаю невозможно!
О, иностранец в шляпе, ах!
Я никогда... не ел пирожных!

БЕСПРИЗОРНЫЙ

Просто так... Ну совсем между прочим
Вылез боком из мусорной ямы
Маленький тряпичный Комочек
С человечьими глазами.

Почесался! Огляделся с опаской,
Попрыгал по снегу от холода...
И — покатился колбаской
По жирному городу.

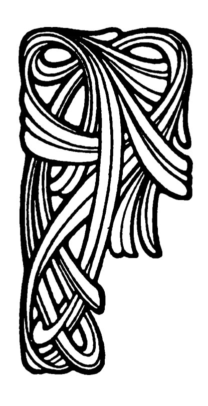
Страшен город для маленьких ночью!
Огневая гранитная прорва!
И страшно очень Комочку,
И жрать ему хочется здорово!..

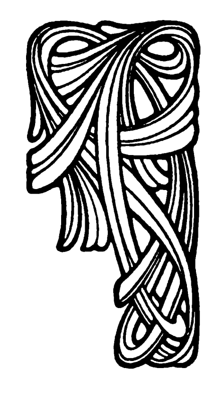
Попытался украсть в первой лавке
Чего-нибудь там посытнее,
Но приказчики из-за прилавка
Надавали Комочку по шее!..

И вновь по морозу оттуда
Покатился Комочек, вздыхая...
И долго мотался, покуда
Не украл кошелька в трамвае!..

И напился Комочек с холоду!
Хоть и горько, а все же — теплее!
И грозил спьяну жирному городу
Он за яму и битую шею!..

Докатился Комочек до точки!..
И ждет молча нас всех в своей яме
Маленький тряпичный Комочек,
С человечьими глазами.

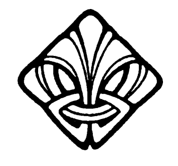

Часть пятая

Злостная фортуна

ЛОТО И ЛЮБОВЬ

Барышня лучшая в мире
Звонко щебечет подряд:
«Сорок... Тринадцать... Четыре...
Семь... Тридцать два... Пятьдесят...»

Взоры ее — огневица,
Губы — алее зари...
«Двадцать... Четырнадцать... Тридцать...
Пять... Тридцать три... Двадцать три...»

Барышня, город мы бросим,
Будем гулять и мечтать!..
«Десять... Один... Тридцать восемь...
Сорок один... Двадцать пять...»

О, как люблю я вас!.. «Девять...
Тридцать один... Двадцать шесть...
Восемь... Шестнадцать...» А мне ведь
Надо всего только: шесть...

Кончил сосед мой!.. Опять я
Злостно фортуной надут!..
Барышня мнется... Проклятье,
Все проиграл: *там* и *тут*!!!

У КАМИНА

Опять знакомый гордый профиль
Мелькнул в камине предо мной...
Э, полно, милый Мефистофель,
В отставку вышедший герой!

Ты разъяснен ведь повсеместно!..
Поэтов нет: на них падеж,
Ну а бухгалтеры, известно,
В чертей не верят ни на грош.

И каждый клерк, «в рассрочку сшитый»,
При появлении твоем
Протрет пенсне... Затем сердито
Вздохнет и... примет на ночь бром.

Ах, этот бром! С ним не до шуток!
Не разгуляешься с ним ты!
Он вентилирует рассудок
И консервирует мечты!

Хмельные сказки и виденья —
Пустые бредни для него!
И вне таблицы умноженья
Не признает он ничего!

Один глоток и нервы — бревна,
Ложатся мысли «на пробор»,
И сердце бьется ровно-ровно,
Как густо смазанный мотор!

...Трещат дрова... Надменный профиль
Поплыл, расплылся и пропал...
Прощай, мой бедный Мефистофель,
Убитый бромом наповал!

ХМУРОМУ ДРУГУ

Хмурый друг, не хнычь! Не надо!
Не скули, что «жизнь окрест —
Отделенье фирмы Ада»,
Что, мол, «Homo... lupus est...»

Из классических пеленок
Вынь мозги и не злословь!
В каждом волке есть теленок,
В каждом сердце есть любовь!

Есть злодеи, лицемеры,
Есть и честные! Пойми,
Ведь не все ж миллионеры,
Черт возьми!!!

Опустись-ка ты в подвалы,
Подымись на чердаки:
Там на месте душ — кристаллы
Всем законам вопреки!

Ну а если лоб твой хмурый
После этого визита
Не блеснет опять открыто,
Как чурбан от политуры...

Ну тогда поторопись:
Съешь полпуда динамита
И — взорвись!

ВОПЛЬ

Надоело мне до смерти
Рифмовать сажени строчек,
Пригоняя рифму к рифме,
Как вспотевший плотник — доски!..
«Розы», «грезы», «слезы», «козы»...
Что за приторность созвучий!
Ах, тошнит меня, лишь только
Вспомню я их дешевизну.
«Розы», «грезы», «слезы», «козы»,
Сколько душ вы погубили,
Отдаваясь без разбора,
Как рублевые кокотки?!
Сколько юных гимназистов,
Сколько зрелых фармацевтов
И поныне похотливо
Вас берут на перекрестках!
Впрочем, кроме тех «камелий»,
Есть, конечно, и такие,
Что, болея золотухой,
Целомудренны ужасно!
Из весталок этих «лошадь» —
Наиболее упряма!
Даже с «площадью», каналья,
Не желает рифмоваться!
Не хотите? И не надо!
Уговаривать не буду!
Ну зачем сдалась мне ваша
Золотушная невинность?!
Рифмы, рифмы, в смысле красок
Вы — стеклярусные блестки
На костюмах маскарадных
Из любой табачной лавки!
Пусть другие щеголяют
В разноцветных панталонах,
Я же в белые одежды
Стих свободный одеваю!

Милый юноша вихрастый
Где-нибудь там... в Могилеве
Приготовивший бумагу
Для заоблачных экскурсий,
Опустись-ка ты на землю,
Положи бумагу в ящик,
Причеши вихор поглаже
И, окончив это, слушай:
«Жил да был поэт когда-то,
Не чета другим поэтам!
Перед ним все остальные
Что бензинки перед Солнцем!
В небесах он был как дома!
А внизу — цветы, долины
На цветочном диалекте
С ним доверчиво шептались.
И мечтал он на мансарде
О принцессах и о феях,
Заедая те мечтанья
Трехкопеечной селедкой!
И слагал он песни-громы,
Песни-вопли, песни-стоны
И лазоревые сказки
По двугривенному строчка!
Так он жил... Когда же
Умер,
То друзья и кредиторы
Прах его благоговейно
Помянули скверным словом!»

Нынче лирика не в моде!
Нынче лирика «не кормит»!
Нынче надо быть веселым!
Нынче время фельетона!
Нынче... Ах, как надоело
Злободневно улыбаться
И замусленной остротой
Щекотать чужие пятки,
Вдохновляться по заказу,
Петь во что бы то ни
Стало,
Ловко рифмами играя,
Словно фокусник шарами;

Всюду видеть только «темы»,
И в «корсете благородства»
Сечь сатирой октябристов
«С разрешения начальства».
А по праздникам в трактире,
Носом тыкаясь в тарелку,
Плакать пьяными слезами
О заплеванных мечтаньях!..
О, поймите же, как подло,
Омерзительно и страшно
Жить весь век «на содержаньи»
У любимого Искусства!!!

Так свирепо рассуждал я
Злобный, мрачный и трагичный...
Но вошла нежданно Муза
И нервозно закричала:
«Это что еще за новость?!
Как ты смеешь так ругаться?!
Если я тебе не нравлюсь,
Убирайся вон и только!
В частном банке можешь сделать
Ты отличную карьеру...
Вообще занятье это
И спокойно, и солидно!»
И воскликнул я: «О Муза,
Не уйти мне!.. Потому что
Лучше смерть у ног Искусства,
Чем блаженство в сотне банков!..»

Вот и все!

ГРОМ И МОЛНИЯ

О, жалкий мир, о, гнусный мир,
Вертун-кругляк, голландский сыр,
Комок ничтожнейший и грязный,
Чего ты вертишься, несчастный?
Попав в гигантскую дыру,
Как кур во щи, ты все ж не прочь
Пустить пыль в нос рабам своим.
И с видом очень деловым
Все тянешь старую игру —
Из ночи в день, из дня же — в ночь!..
Э, полно, полно, не морочь!
Ведь в том кружении своем
Ты лично вовсе ни при чем!
Ты вроде рыжего паяца,
Что, потешая сонный цирк,
Обязан лихо кувыркаться,
(Контракт таков!) Кувырк! Кувырк!
Эй, ты, несчастная крупица,
Плюгавый, куцый, щуплый мир,
Смотри, ведь хаос шевелится,
А он известный дебошир...
И, пост особый занимая,
По положенью он большая
Мифологическая шишка,
Разинет пасть: раз-два и
Крышка!
Маститый этот неврастеник
Тебя проглотит, как вареник!..

Вот что бывает иногда,
Когда
Поэт... сидит без денег!

ВОЛЧОК ЗЕВСА

Было время... Там, где ныне,
Словно дамы разодеты,
В такт вальсируют планеты
Всевозможнейших названий...
По какой-то там причине
Ком огромный, раскаленный
(Точно выскочив из бани)
В пустоте новорожденной
Легкомысленно болтался
И... никак не назывался...

Было время... Хаос пенный
Пожелал вдруг непременно
Проявить свой темперамент,
И от трепки здоровенной
Зашатались у Вселенной
И мансарда, и фундамент!
Даже Хронос апатичный
Спрыгнул экстренно с постели,
Только клочья полетели
От Материи первичной...

Был скандал! На шум из тучи
Показался одиноко
Кто-то высший и могучий
И скучающий жестоко...
Наклонился для протеста,
Глядь: все признаки погрома —
Вой, дебош, грабеж... И вместо
Одного большого кома,
Ошалев от передряги,
Чертят в воздухе зигзаги,
Как мильоны угольков,
Тучи маленьких комков!

В тот же миг, без проволочек,
Цыкнув зычно на буяна,
Зевс поймал один комочек,
Но, схвативши слишком рьяно,
Вдруг обжегся... Дунул, плюнул,
Выскреб метинку на нем
И, зевнув многострадально,
Мощной дланью машинально
Завертел его волчком...

Эй, комочек, торопись,
Знай, вертись!
Средь просторов неизвестных
Борозди веками тьму
Без вопросов неуместных:
«Отчего? И почему?»

И от века, неизменно,
Оптом вертятся смиренно
Горы, реки, океаны,
Мошки, храмы, балаганы,
Пастухи, принцессы, прачки,
Генералы и собачки,
Сфинксы, дети, мавзолеи,
Готтентоты и музеи,
И лачуги, и дворцы,
И Сократы, и глупцы...

Кто укажет цель маршрута?
Где конец? А что, когда
Надоест вертеть кому-то?
Что тогда?

Эй, комочек, торопись,
Знай, вертись!
Средь просторов неизвестных
Борозди веками тьму
Без вопросов неуместных:
«Отчего? И почему?»
Эй, комочек, торопись,
Знай, вертись!

ЧЕРТОВА КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В облачно-солнечной лужице,
Взоры богов веселя,
Щепкой беспомощной кружится
Маленький шарик Земля!

Крошечна жалкая доля твоя,
С маленьким счастьем и маленькой мукою!
Маленький шарик Земля,
Дай я тебя убаюкаю!

Между тусклых звездных точек,
Завертев судьбу свою,
Эй, вертись, вертись, комочек!
Баю-баюшки-баю!

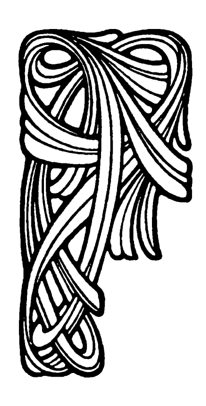
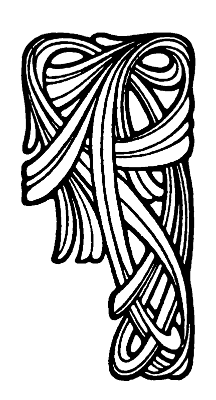
На одной теснясь подушке,
Все миры поймавши в сеть,
Жмут тебя две потаскушки,
Две сестрицы: Жизнь и Смерть!

Так хватай же что есть мочи
Все кругом в мошну свою!
Совесть? Честь? Спокойной ночи!
Баю-баюшки-баю!

Каждый быть собою волен!
Каждый прав в своих делах:
Царь и раб! Мудрец и воин!
Потаскушка и монах!

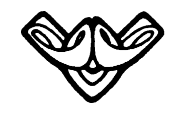
Счастье — грязная цыганка!
Сердце — глупый свинопас!
Совесть — нудная шарманка!
Солнце — стертый медный таз!

Жизнь и Смерть играют в теннис
Звездным миром на краю!
Так вертись, не ерепенясь!
Баю-баюшки-баю!

Часть шестая

Если хочешь...

ПРИНЦЕССА БЕАТА

Пусть карающий Ад безвозвратно
Вас поглотит по просьбе аббата,
Новым солнцем нетленно и свято
Да сияет в веках незакатно
Ваше имя, принцесса Беата!..

Нынче женщину любую
На предмет любви и страсти
Можно взять легко и просто
На прокат, как пианино...
И сама бы Афродита,
Патронесса адюльтера,
Нынче молвила бы кратко:
«Три рубля и ваше пиво!..»

Сколько юношей ночами
На мансардах и в подвалах
Грезят жадно о принцессах
Из далеких детских сказок...
И, кусая в исступленьи
Одеяло и подушки,
Призывают нежный образ
Пересохшими губами...

Но принцессы... ходят к принцам!
На мансарды же лишь только
Подымаются модистки
И камелии в отставке...
И весенними ночами
С диким хриплым клокотаньем
Стонут грязные мансарды:
«О, принцессы, где вы, где вы?..»

И услышала Беата
Чутким сердцем вопль мансардный
И пошла на подвиг страшный
Лучезарная принцесса.
И, входя поочередно
В заплесневшие каморки,
Говорила нежно-нежно:
«Здравствуй, принц мой нареченный!..»
И широко распахнувши
Плащ, заколотый рубином,
Одаряла санкюлота
От щедрот своих Любовью!

Пусть карающий Ад безвозвратно
Вас поглотит по просьбе аббата,
Новым солнцем нетленно и свято
Да сияет в веках незакатно
Ваше имя, принцесса Беата!

В ДУХЕ ВРЕМЕНИ

Сердце трепещет, как дикая лань,
Хочется очень усиленной ласки!..
Ах, от отсутствия Надей и Тань
Липнет на сердце какая-то дрянь.
Так... Что-то вроде оконной замазки!
Взор застилает истомная муть,
Мысли по весу — равняются олову...
Нет-с! Не могу! Прочь тоска! Будь не будь:
«Экстренно треб. инт. свободная грудь,
Чтоб преклонить инт. усталую голову».

ТРАМВАЙНАЯ ЛЮБОВЬ

В этом гулком вагоне трамвая,
В этой мутной бессолнечной мгле
Были вы, как видение рая
Позабывшей о рае земле!

Все, что пело в душе бессловесно,
Все, что пело годами в мечтах,
Воплотилось так странно-чудесно,
Так ликующе в ваших чертах!

Заплелись в хоровод наши взоры...
И прочел я безмолвный ответ!
Словно в сердце сквозь черные шторы
Брызнул буйный слепительный свет!

Но судьба нас рукою суровой
Разбросала с усмешкой хмельной!..
Ах, у вас был билет до Садовой,
У меня же, увы, до Сенной!!!

СРЕДНЕВЕСЕННЕЕ

Весенний луч упал спросонок
На крышу дома, и в момент
Какой-то шустрый воробьенок
Чирикнул, радостен и звонок,
Раздуть стараясь инцидент...

О, экспансивный воробьишка,
Вещай о Солнце с вышины,
Зиме капут! Зиме, брат, крышка!
Ори во всю, и на чаишко
За то получишь от Весны.

Весна в сердца стучится властно!
Ах, посмотрите: ейн, цвей, дрей,
И вот: все женщины прекрасны,
Их взоры трепетны и страстны...
Вот что наделал воробей!

Соседки в окнах сбились в стаю...
Ужель я это потерплю?
Нет, никогда!.. И я... вздыхаю.
И я... люблю... Кого? Не знаю!
Но только знаю, что люблю!

МАЙ

Май веселый пришел,
Звонко песню завел,
И тотчас вслед за этою песней
Распустилась листва,
Появилась трава,
Стали дамы вдвойне интересней!

В паровозных свистках
И в трамвайных звонках,
Даже в рявканьи автомобилей
Слышен томный рассказ
Об огне чьих-то глаз,
О печали каких-то там лилий...

Там и тут, тут и там
Баррикады из дам!
Не пройти мимо них невредимым!
Взгляд... Улыбка... Но — вот,
Баста! Дальше! Вперед!
Сердце женщины вьется налимом!..

Май, весна, благодать!
Как же тут не вздыхать,
Если дни так безбожно лучисты?!
И вздыхают эс-дэ,
И вздыхают ка-дэ,
И поют о любви октябристы!

ЖЕНЩИНЫ! ЖЕНЩИНЫ!

Сколько женщин интересных,
Всяких: честных и нечестных,
Томных, скромных
И скоромных,
Черноокиx, совооких,
И карманных, и высоких,
Русских, немок, полек, финок,
Рыжеватых и блондинок,
И брюнеток, и шатенок,
И Марусек, и Мими,
И модисток, и монденок,
И — деми!

Дамы — слева! Дамы — справа!
Дамы — тут! И дамы — там!
Дамы! Дамы! Боже правый,
Целый транспорт всяких дам!!!
Эти жаждут бури с громом!
Эти — просто чаю с ромом!
Те — любви, те — дивидендов,
Все же вместе — инцидентов!
И разлившись далеко,
Грациозно и легко
Мчится пляшущий поток
И — коке- и — коко-
ток!

И плывут, полны веселья,
Беспатентные изделья
Из Адамова ребра —
Кати, Мани, Веры, Любы!
И у каждой есть ведь губы,
Губы... Ну et cetera!

Если вкус губной помады
Для тебя предел услады,
То, когда не хочешь глупо
Уподобится мочале,
Закажи себе у Круппа
Из отборной, лучшей стали

На особый образец
Хоть полдюжины сердец!..
Право, будешь рад душевно.
Только помни об одном:
Лишь меняй их ежедневно,
Заодно с воротничком!

ЗАТО...

Нет у меня и ни домов,
И ни усадеб, ни лугов,
Ни бабушки с чулком...
И мой сюртук от передряг,
Как ни верти и так, и сяк,
Одни лишь дыры в нем!
И чтоб найти в нем рукава,
Необходим, без хвастовства,
Особенный талант.
Зане и там, и тут — дыра,
И рукавов всех — полтора!
Ну что же, я не франт!
Живу поблизости к луне
На недоступной вышине,
Повыше пирамид!
Из неумытого окна
Мне даже Англия видна,
Такой прелестный вид!
Нет у меня и ни домов,
И ни усадеб, ни лугов,
И — проще коль сказать,
Нет ни черта!.. Но у меня
Зато есть... милая моя,
Какой вам не видать!

СОВЕТ

Друг, не лезь усердно в папы:
Не заглядывай под шляпы,
И на Катей, Нюр и Дунь
Дунь и плюнь,
Ведь всех не осмотреть!

НЕЛЛИ

У малюсенькой Нелли
Губки — две карамели,
Щечки Нелли — варенье,
Глазки Нелли — две вишни...
Впрочем, в том направленьи
Комплименты излишни,
Ибо Нелли всего лишь идет
Первый год.

Вот для Неллиной мамы
Я бы выстроил храмы
В древнегреческом стиле,
Чтобы Неллиной маме
Поклоны там били,
А жрецы, по программе,
Осыпая цветами,
Фимиамы курили...

И никто б не дознался,
Как бы там ни старался
(И открыто, и скрыто),
Что прекрасная дама —
Лишь Неллина мама,
А не Афродита,
Богиня Эллады...

Только... Неллина мама
Относительно храма
Знай твердит лишь: «Не надо!»
И не хочет быть даже хотя бы
Дианой!..
И грустим очень мы оттого все...

Ну а Нелличкин папа (вот странно!)
Мне не нравится вовсе!..

ДВЕ СЕСТРЫ

Их две сестры: одна от неба,
Ну а другая от земли!
И тщетно жду, какую мне бы
Дать боги случая могли:
Вот ту, которая от неба,
Иль ту, другую, от земли?
Одна, как статуя Мадонны,
Ну, а другая, как вертеп!

И я вздыхаю сокрушенно,
В которую влюбится мне б!
Вот в ту, что статуя Мадонны,
Иль в ту, другую, что вертеп?

И та, что статуя Мадонны,
И эта, что наоборот,
Вдруг улыбнулись мне влюбленно!

С тех пор сам черт не разберет,
Где та, что статуя Мадонны,
И эта, что наоборот?

ПЕРВАЯ

Разбирая поблекшие карточки,
Окроплю запоздавшей слезой
Гимназисточку в беленьком фартучке,
Гимназисточку с русой косой...
Все прошло. Кто теперь вас ревнует?
(Только вряд ли сильнее меня!)
Кто теперь ваши руки целует?
(И целует ли так же, как я?)
Где теперь вы? Все там же ль, где в паре
С дикой Зеей, швыряя ладьи,
Мчит по камням хмельная Сунгари
Золоченные воды свои?..
Может быть, вы уже стали дамой
И какой-нибудь Петька босой
Называет (о, Боже мой!) *мамой* —
Гимназисточку с русой косой?!
Ваш супруг — консисторский чиновник,
К вам приходят Фомы Кузьмичи,
И у вас есть, конечно, любовник?!
Нет, довольно! О, сердце, молчи!

Разбирая поблекшие карточки,
Лишь одной я из них не порву...
Гимназисточку в беленьком фартучке,
Где ты, где ты? Ау?..

ПОСЛЕДНЯЯ

С весьма солидным знаньем дела,
Умея падая — не пасть,
Довольно долго и умело
Вы имитировали страсть...
И лишь вчера, зажавши уши,
На бред любовный мой в ответ
Вы смехом плюнули мне в душу,
Весь свой талант сведя на нет...
Эй, шляпу мне!.. Нет больше сказки!..
Пусть сердце кровью истечет!..
За беспокойство же и ласки —
Подать мне счет!

РОМАНС

Я помню тихие аллеи,
Зеленый пруд и свежесть рос,
И горе мраморной Психеи,
Вдруг потерявшей где-то нос...

Я помню огненные блестки
В лазури детских ваших глаз,
И даже ваши все прически,
Хоть вы меняли их не раз...

Я помню клятвы ваши: в зале,
В саду, в беседке, на лугу...
Но вот с кем вы мне изменяли,
Увы, всех вспомнить не могу.

СЕНТЕНЦИЯ

Женщина всюду, увы, одинакова,
Всюду, везде — от Бомбея до Кракова...
Будь герцогиня то иль деревенщина,
Каждая женщина
Грезит о чистой Надсоновской сказке
И методично снимает подвязки...

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Сказала она: «О, мой преданный витязь,
Отныне, в награду, всегда и во всем
Вас дружбой дарю я... Ну что ж, улыбнитесь
И грусть прогоните экспромтным стихом...»
Поэт поклонился, смеясь и тоскуя,
И быстро в изящный альбом набросал
Последнюю песню, ни с чем не рифмуя:
«В смерти прошу никого не винить...»

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ

«Если хочешь, для тебя я
Пропою здесь серенаду,
Буду петь, не умолкая,
Хоть четыре ночи кряду?!
Если хочешь, я мгновенно
Сочиню тебе отменный,
Замечательный сонет?
Хочешь?»
— «Нет!»

ЕСЛИ БЫ

Если б я был слоном из Бомбея,
То, избегая всех драм,
Силы слоновой своей не жалея,
Целую жизнь я на собственной шее
Вас бы носил, о, мадам!

Если б я был крокодилом из Нила,
То, подплывя к берегам
И отряхнувшись от грязного ила,
К вам я подполз бы... И тихо, и мило
Съел бы я вас, о, мадам!

Если б я был быстроногою серной,
То по отвесным камням
(Хоть это было бы, может, и скверно!)
Все же от вас с быстротою чрезмерной
Я бы удрал, о, мадам!

Но, к сожалению (как достоверно
Это известно и вам),
В смысле тех качеств я создан мизерно:
Не крокодил я, не слон и не серна!..
Вот в чем беда, о, мадам!

ОЧЕНЬ ПРОСТО

Солнце вдруг покрылось флером...
Как-то грустно!.. Как-то странно!..
Джим, пошлите за мотором
И сложите чемоданы!
Положите сверху фраки,
Не забудьте также пледа.
Я поеду в Нагасаки,
В Нагасаки я поеду!

Там воспрянет дух поникший
И, дивя японок фраком,
Я помчусь на дженерикше
По веселым Нагасакам!
Ах, как звонок смех японок
Для родившихся во фраках!
Ах, как звонок! Ах, как звонок
Смех японок в Нагасаках!

Эскортируемый гидом,
Я вручаю сердце Браме.
Я лечу с беспечным видом
В некий домик к некой даме.
Имя дамы: Цвет Жасмина,
Как сказал мне гид милейший...
Ну а более рутинно:
Гейша Молли, Молли-гейша!

К ней войду с поклоном низким,
Поднесу цветы и ленты
И скажу ей по-английски
Пару нежных комплиментов...
Запишу на память тему,
Повздыхаю деликатно,
Вдену в лацкан хризантему
И вернусь в Нью-Йорк обратно!

ДОВОЛЬНО!

Я, как муха в сетях паутины,
Бьюсь с жужжаньем в гостиных.
Довольно!..
Ваши, женщины, песни и вина,
Понимаете, безалкогольны!
И дошло до того, что, ей-Богу,
На Таити из первой кофейни
Я уйду, захватив на дорогу
Папирос и два томика Гейне!

Там под первою пальмой, без риска
Получить менингит иль простуду,
Буду пить натуральное виски
И маис там возделывать буду.
И хотя это (вы извините),
С точки зрения вашей, нелепо,
Буду ночью лежать на Таити,
Глядя в синее звездное небо!

А когда, кроме звездной той выси,
И Эрот мне окажется нужен,
Заработав кой-что на маисе,
Накуплю там невольниц пять дюжин!
И, доволен судьбой чрезвычайно,
Буду жить там, пока с воплем странным
Пьяный негр, подвернувшись случайно,
Не зарежет меня под бананом!

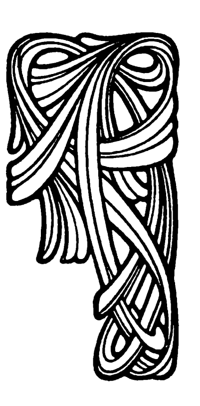
DE PROFUNDIS

Принесите зажженные свечи,
Принесите мне траурный креп,
Отшвырнув тамбурин свой далече,
Опускаюсь я в сумрачный склеп...

Мне сегодня она изменила,
И опять я остался один:
И... в груди у меня не заныло,
И не дрогнул в руке тамбурин!

И не мог я простить ей обмана,
Не простил и не проклял ее!
...Под рыдающий шепот органа
Отпеваю я сердце мое.

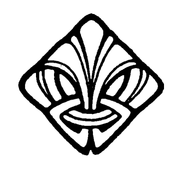

Часть седьмая

Собрание пьесок о превратностях любви

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

ПЬЕРО И АРЛЕКИН:
(среди публики)

Прекрасным дамам в галантном стиле
Мы эту песенку споем
О том, как двое паяцев жили,
Как целовали одну вдвоем...

Все в жизни переменно...
Все в жизни — чепуха...
Любовь? Кинжал? Измена?
Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

(Арлекин проскакивает на сцену раньше Пьеро. Пьеро открывает занавес. Арлекин в объятьях Коломбины.)

ПЬЕРО:

Но нет, довольно! Под слоем грима
Лицо пылает... Я так устал...
Пусть изменила мне Коломбина,
Но не изменит зато кинжал!

(Закалывается. Кровь.)

АРЛЕКИН И КОЛОМБИНА:

Все в жизни переменно,
Все в жизни — чепуха.
Любовь? Кинжал? Измена?
Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

КОЛОМБИНА:

Да перестань же, Пьеро, кривляться!

(Толкает Пьеро ногой.
Мертвый Пьеро скатывается.)

АРЛЕКИН:

Но эта шутка, увы, плоха!
Запачкан кровью костюм паяца.
Он умер...

КОЛОМБИНА:

Умер....

ПЬЕРО:
(вскакивая)

Ха-ха-ха-ха!

ВСЕ:

Все в жизни переменно,
Все в жизни — чепуха.
Любовь? Кинжал? Измена?
Ха-ха-ха-ха-ха!

(Публике.)

О, не сердитесь за ваш испуг вы!
Все в жизни шутка и чепуха!
Не кровь ведь это, а просто клюква.
А просто клюква... Ха-ха-ха-ха!

Все в жизни переменно.
Все в жизни — чепуха.
Любовь? Кинжал? Измена?
Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

(Занавес)

СЕРЕНАДА С ЛУНОЙ И МОРАЛЬЮ

ЛУНА:
Пред домом доньи Клары,
Не сводя глаз с бельведера,
Стали в позу, взяв гитары,
Три влюбленных кавалера.

КАВАЛЕРЫ:
Донья Клара, ждут вас трое.
И у нас, сказав короче,
Состояние такое,
Что ждать больше нету мочи.

1-й КАВАЛЕР:
Я взрываюсь, как граната.

2-й КАВАЛЕР:
Я пылаю, словно печка.

3-й КАВАЛЕР:
Я же здесь без результата
Таю, таю, словно свечка.

КЛАРА:
Не взрывайтесь, ради Бога,
Выйду к вам я без заминки,
Подождите лишь немного,
Надеваю я ботинки...

КАВАЛЕРЫ:
Поскорее к нам вы слезьте,
Ведь на башне бьет двенадцать,
И от стра́сти все мы вместе
Стали даже заикаться.

1-й КАВАЛЕР:
Я без вас, к-ка-ка-ка-как без на-ва-хи-хи-хи.

2-й КАВАЛЕР:
Я без вас, как в мрачном скле-пе-пе-пе-пе.

3-й КАВАЛЕР:
Я без вас, как червь на плахе-хе-хе-хе,
Как Самсон, закован в цепи-пи-пи-пи-пи-пи.

КЛАРА:
Ах, не нойте, ради Бога,
И не делайте мне сцены!
Подождите лишь немного...

КАВАЛЕРЫ:
Знаем мы, что каждой даме
Эта свойственна манера,
Надевают лифчик сами,
А снимают кавалеры.
Ненавидим мы его все!
Сдайте лифчик вы в архивчик!
Для любви не нужен вовсе
Этот самый глупый лифчик!

КЛАРА:
Тише, тише! Ради Бога,
А не то сгорю с конфуза,
Подождите здесь немного,
Лишь надену только блузу...

КАВАЛЕРЫ:
Как ни грустно, о красотка,
Мы вас ждать не можем дале...
Вы вогнали нас в чахотку,
Вы в чахотку нас вогнали!

КЛАРА:
Не чихайте, ради Бога,
Если ждете поцелуя,
Подождите лишь немного,
Только шляпу приколю я...

КАВАЛЕРЫ:
Ждать не можем, верьте чести,
Надорвав мечты и глотки,
Мы поэтому все вместе
Умираем от чахотки.

ЛУНА:
В ожидании красотки
Тут же, возле бельведера,
Так погибли от чахотки
Три влюбленных кавалера.

КАВАЛЕРЫ:
О, прекраснейшие дамы,
Огласите зал рыданьем!
Эта тягостная драма
Пусть вам будет назиданьем!

(Занавес)

СЕРЕНАДА ЧЕТЫРЕХ ПАЖЕЙ

ПАЖИ:

Тихо... Тихо... На две мили
Все уснуло крепким сном.
О, синьора, тили-тили,
Выходите, тили-бом!
Мы вас сразу полюбили,
Потому здесь вчетвером
Мы поем вам, тили-тили,
Серенаду, тили-бом!
Мы с собою захватили
Мадригалов целый том.
Остановка, тили-тили,
Лишь за вами, тили-бом.
Вы к себе нас пригласили,
Мы явились и поем...
Ну так что же, тили-тили,
В чем же дело, тили-бом?
Если вы нас разлюбили,
Продадим сердца на слом!
Ах, любовь ведь, тили-тили,
Не картошка, тили-бом!
Ах, откройте двери! Или
Мы немедленно умрем!
Не хотите? Тили-тили!
И не надо! Тили-бом!
Мы вздыхаем от усилий
На пятнадцать миль кругом...
Вы же спите, тили-тили!
Это свинство, тили-бом!..
Вот она белее лилий
В белом чепчике ночном...
Что такое? Тили-тили...
Вот так штука... Тили-бом...

СТАРИК:

Это, значит, вы бубнили
У меня тут под окном?

ПАЖИ:

Вот, ей-Богу, тили-тили,
Неприятность! Тили-бом...
Мы синьоре ди Ванили
Пели все тут вчетвером...

СТАРИК:

Дураки вы, тили-тили!

ПАЖИ:

Не ругайтесь! Тили-бом!

СТАРИК:

Дом синьоры ди Ванили
Слева третий за углом.
Дураки вы, тили-тили!

ПАЖИ:

Извините! Тили-бом...

(Публике)

Господа, ужель вы были
В положении таком?
Вот что значит, тили-тили,
Спутать адрес...Тили-бом...

(Занавес)

ЛЕКАРСТВО ОТ ДЕВИЧЬЕЙ ТОСКИ

ХОР:

Принцесса Зобеида
Четвертый день болеет.
Принцесса Зобеида
Худеет и бледнеет.
Принцесса Зобеида,
Худеть вы перестаньте!
Принцесса Зобеида,
Что с вами?

ЗОБЕИДА:

Ах, отстаньте!

ХОР:

Беда! Беда! Беда! Беда!
Паша, пожалуйте сюда!
(Негритенок ударяет в гонг.)

ПАША:

Кто здесь в гонг напрасно звякал?
Сознавайтесь, иль тотчас
Посажу немедля на кол
Всех по очереди вас!

НЕГРИТЕНОК:

В гонг напрасно я не звякал,
Не хочу садиться на кол!

ХОР:

В гонг напрасно он не звякал,
Не хотим садиться на кол!

ПАША:

Объясните, в чем же дело?

ХОР:

Ваша дочка заболела.
Принцесса Зобеида
Четвертый день болеет.
Принцесса Зобеида
Худеет и бледнеет.

ПАША:

Принцесса Зобеида,
Худеть вы перестаньте!
Принцесса Зобеида,
Что с вами?

ЗОБЕИДА:

Ах, отстаньте!

ПАША:

Аллах, как дерзки дети наши!
Нельзя так отвечать папаше!
У дочки нервы, знать, с изъянцем.
Развеселите дочку танцем!
Эй ты, плясунья-сирота,
Станцуй-ка танец живота!

(Танец.)

Она молчит и смотрит ввысь...
О дочь моя, развеселись!
И твой отец, и тутти кванти
Об этом просят...

ЗОБЕИДА:

Ах, отстаньте!

ПАША:

О дочь моя, брось этот тон!
О, кель орёр, кель моветон!
Испортив нервы с малолетства,
Она капризничает. Но
От скуки девичьей есть средство!
И вот оно! И вот оно!
Послушай, дочка, весь Багдад
Четыре месяца подряд
Кричал об этом бриллианте...
Возьми ж его себе!

ЗОБЕИДА:

Отстаньте!

ПАША:

Не хочет перстня? Вот те на...
Она действительно больна...
Эй, негритос, единым махом
Слетай-ка, брат, за Абдалахом.
Достопочтенный Абдалах
Собаку скушал в сих делах.

(Приходит Абдалах.)

АБДАЛАХ:
Я — знаменитый Абдалах
Собаку скушал в сих делах!

ХОР:
Он — знаменитый Абдалах,
Собаку скушал в сих делах!

АБДАЛАХ:
Всех докторов известней,
Лечу я всех недужных
От всяческих болезней,
Внутренних и наружных.
Флюсы выпариваю,
Зубы заговариваю.
А всего пуще
Гадаю на кофейной гуще.
Я — знаменитый Абдалах,
Собаку скушал в сих делах!

ХОР:
Он — знаменитый Абдалах,
Собаку скушал в сих делах!
Ах! Ах! Ах!

ПАША:
Достопочтенный Абдалах,
Лечи за совесть и за страх.
(Осмотр больной.)

АБДАЛАХ:
Наука наша говорит,
Что у принцессы менингит.

ХОР:
О, стыд и срам! О, срам и стыд!
У Зобеиды менингит!

АБДАЛАХ:
Больна опасно дочь твоя.
И ей прописываю я,
Наукой тайной умудрен,
Во всеоружье знания:
Крепкий бульон,
Холодные обтирания,
Отвар из сушеной малины

И горчичник на спину.
Принявши это, верь мне, снова
Вмиг будет дочь твоя здорова.
Не даром я ведь Абдалах,
Собаку скушал в сих делах!

ПАША:

Итак, отправимся, о, дети,
Приготовлять лекарства эти.
Отдам я дочку и полцарства
За подходящее лекарство.

(Все уходят.)

ЗОБЕИДА:

Со звоном и плеском, как горсти червонцев,
Смеются и пляшут лучи.
О, солнце, безумное, пьяное солнце,
Молчи!
Застывшему сердцу уже не согреться,
Прощай, расцветающий май!
О, сердце, усталое глупое сердце,
Рыдай!
Довольно надеяться, ждать и томиться,
Уйдите, желания, прочь!
О, тихая ночь, опустись на ресницы!
О, ночь...

ОФИЦЕР:

(впрыгивая через окно)

Черт побери, ведь вот скандал...
Куда же это я попал?..
Как в сказке тут, сомкнув ресницы,
Лежит какая-то девица...
Черт побери, да ведь она
Стройна, красива и — одна.

(Целует ее.)

ЗОБЕИДА:

Кто ты и как сюда попал?

ОФИЦЕР:

Ну вот, нарвался на скандал...
Не все ли это вам равно?

ЗОБЕИДА:
Как ты попал?

ОФИЦЕР:
Через окно.

ЗОБЕИДА:
Скорей, скорей, ко мне, папаша!

ОФИЦЕР:
Ну, и заварится тут каша!
(Все вбегают.)

ПАША:
О, кель орёр? Что вижу я?..

ЗОБЕИДА:
Он вылечил меня.

ПАША:
О, чадо новое мое,
Но чем ты вылечил ее?

АБДАЛАХ:
Согласно методам ученым
Ты исцелил ее бульоном?

ОФИЦЕР:
Нет.

АБДАЛАХ:
Тогда отваром из малины
Или горчичником на спину?

ОФИЦЕР:
Нет.

ПАША:
Да объясни нам все же, как?

ОФИЦЕР:
Да очень просто же!
Вот так.
(Целует ее.)

ПАША:
Эх, Абдалах, и так, и сяк,
Хоть и мудрец ты, а дурак!

ХОР:

**Эх, Абдалах, и так и сяк,
Хоть и мудрец ты, а — дурак!**

ПАША:

**А ты бери полцарства
И дочку береги!
Вот лучшее лекарство от девичьей тоски!**

ХОР:

**А ты бери полцарства
И дочку береги!
Вот лучшее лекарство
От девичьей тоски!**

(Занавес)

ВАНЬКА-КЛЮЧНИК

ДЕВУШКИ:

Ах, послушайте, девицы,
Вы про случай про такой,
Как целуется в светлице
Князь с княгиней молодой.
Ах, княгиня князю люба,
Привела его в озноб.
Он ее целует в губы,
А она — не очень чтоб.

КНЯЗЬ:

За рогатым за оленем
На охоту еду я,
Ты ж не прыгай по ступеням
И не балуй без меня!

КНЯГИНЯ:

В непрерывном ожиданьи
Не усну я до утра.
До свиданья! До свиданья!

ВСЕ:

И ни пуха, ни пера!

ВАНЬКА:

До чего же это, братцы,
Скучно стало мне опять!
Хоть бы с кем поцеловаться
Иль кому по морде дать...

ДЕВУШКИ:

Ванька, полно вешать нос-то,
Вдарь за княжьей за женой!

ВАНЬКА:

Это даже очень просто,
Потому что я такой!

КНЯГИНЯ:

Ах, уста мои, закройтесь,
Запер крепко князь меня...

ВАНЬКА:

Это вы не беспокойтесь!
Ведь не даром ключник я.

ДЕВУШКИ:

Ванька — парень-загляденье,
И княгиня не плохи.
То-то будет представленье...
Хи-хи-хи! Хи-хи-хи-хи!

ВАНЬКА:

Я, княгинюшка, пред вами
И лицом не вдарю в грязь!

КНЯГИНЯ:

Не вращайте так глазами!

ОБА:

До свиданья, старый князь!

ДЕВУШКИ:

Ай-яй-яй, на Ваньку глянь-ка,
Ай, раздуй его горой!
Ай да ключник!
Ай да Ванька,
Совершеннейший герой!

КНЯЗЬ:

Ай да слуги! Ай да други!
Отворяйте ворота!
Привожу своей супруге
Я в подарочек рога.

ДЕВУШКИ:

Ванька, дуй-ка на попятный
Иль чесать ты будешь бок!
Это очень неприятно...

ВАНЬКА И КНЯГИНЯ:

Чмок, чмок, чмок, чмок, чмок,
Чмок, чмок...

КНЯЗЬ:

Ах, какая неделикатность...
Ах ты, Ванька, чтоб ты сдох!
Вот, ей-богу, неприятность,
Ох-ох-ох! Ох-ох! Ох-ох!

Ах ты, Ванька, сын кошачий,
Всыплю розог я до ста
По спине твоей свинячьей!

ВАНЬКА:

Ну уж что ж?
Пожалуйста...
Не гоняйся, черт гулявый,
За чужою за женой...
Ой, не будем больше, право!
Ой! Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

ВСЕ:

Ой! Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

(Занавес)

В СТАРОЙ МОСКВЕ

Москва... Москва... Москва... Места родные,
Где пироги во всех углах...
Ужель не слышали в России
Мы о московских пирогах?
Там пироги, как по заказу,
Ста восемнадцати сортов,
И тот не русский, кто ни разу
Не ел московских пирогов.
Ах, Москва, Москва, Москва,
Золотая голова.
Ах, Москва, Москва, Москва,
Белокаменная.

КУПЧИХА:

Вот с мясом,
Вот с рыбой,
Вот с луком,
Вот с рисом,
С визигой,
С морковкой,
С капустой,
С грибами,
С горохом,
С картошкой,
С опенками
И с гусиными печенками.

КУПЕЦ:

А к пирогу-то,
В эту минуту
Мы заявить вам уполномочены:
Рюмочка водки пользительна оченно!

СВАХА:

Здрасьте, благодетель, Пров Лукьяныч,
Здрасьте, благодетельница, Матрена Анкундинна!
Не ела, не пила весь день, не спала всю вчера ночь.
Зато припасла товарец, не товар, а малина.
У свахи подмосковной
Всегда и безусловно

Товарец аккуратный
И выбор агромадный.
Вот к слову, для образчика,
Есть тридцать два приказчика,
Пятнадцать прокуроров,
Шестнадцать брандмайоров,
Ученые профессоры,
Коллежские асессоры,
Армейские поручики,
Всех состояний купчики,
Пехотные полковники,
Акцизные чиновники,
Один судебный пристав
И сто телеграфистов.
Для вашей же особы
Товарец есть особый:
Как ни верти, ни тыкай,
Антик морэ с гвоздикой!

КУПЧИХА:

Больно ты стрекочешь, Фоминишна,
Товарец-то, наверное, рыношный...

СВАХА:

Да чтобы провалиться мне на этом самом месте,
Чтобы жить мне с чертом кургузым вместе,
Чтобы лопнула моя печенка,
Чтобы распухла моя селезенка,
Чтобы помереть мне от холеры к утру,
Ежели я только вру...

КУПЕЦ:

А ну-ка, валяй начисто
Про евонные изъяны качества!

СВАХА:

Борода у него кучерявая,
На мизинце брильянт с золотой оправою,
Ростом выше горы Алтая,
В плечах сажень косая,
Щеки, что твои арбузики,
И такие вот колечком усики.

ДОЧКА:

Ах, папашенька,
Ах, мамашенька...

КУПЕЦ:
Цыц ты, Машенька!

СВАХА:
Вообще, голыми руками не тронь его!
Волосы цвета крыла вороньего...
И завсегда лампадным маслом смочены.
Не транжирит, не бедокýрит,
Не пьет и не курит,
Вообще, нрава серьезного оченно.

ДОЧКА:
Ах, мамашенька,
Ах, папашенька!

КУПЕЦ:
Цыц ты, Машенька!

СВАХА:
Так что даже втюрившись в него неистово,
Скончалась от неземной страсти
Сама дочка самого господина пристава
Замоскворецкой части...

КУПЕЦ:
А ну-ка, покажи его!

ЖЕНИХ:
Здрассте!
Я женишок завидный,
Хоть с виду и не видный,
Ну, а зато — не пью-с!
И на любой девице
Поэтому жениться
Я завсегда могу-с!
(Танцы.)
К тому же пред собраньем
Большим образованьем
Блеснуть нетрудно мне-с.
И если надо будет
Постричь, завить, напудрить,
Пожалста! Силь ву пле-с!
(Танцы.)

ДОЧКА:
Ах, замерло сердце с дыханьем,
Люблю мужчин с образованьем...

КУПЧИХА:

Ну и врут эти люди ж!

КУПЕЦ:

Садись, гостем будешь...
А пока суд да дело,
Вдова Смирнова выпить велела!
Ну-с...

ЖЕНИХ:

Не пью-с.

КУПЕЦ:

Да полно тебе кобениться!
Одну выпил, еще не значит, что пьяница.
Пей же! Не будь простофилей!

ЖЕНИХ:

Ну вот и уговорили...

(Пьет.)

КУПЕЦ:

Ну, как говорится, первая колом,
А вторая соколом.
Ну-с...

ЖЕНИХ:

Не пью-с.

КУПЕЦ:

Да одному пить как-то нескладно...

ЖЕНИХ:

Ну уж ладно!

(Пьет.)

КУПЕЦ:

Вторая с перхотой,
А третья с охотой.
Ну-с...

ЖЕНИХ:

Не пью-с.

КУПЕЦ:

Да пей же!
Не будь болваном!

ЖЕНИХ:
Давайте уж прямо стаканом!

(Пьет.)

КУПЧИХА:
Святые угодники, пресвятая Троица,
Да женишок-то — форменный пропойца...

КУПЕЦ:
Ну это ты брось, Матреша!
Кто водку, пьет, тот человек хороший.
Ну а теперь, после четвертой,
Дело уж совсем иного сорта.
И приступим мы к делу увереннее.
Итак, сударь, каковы твои намерения
По отношению к нашей дочке Маше?

ЖЕНИХ:
Самые честные намерения наши:
Изнывая от любви бездонной,
Желаю сочетаться законным браком с оной...

ДОЧКА:
Ах, мамашенька,
Ах, папашенька...

КУПЕЦ:
Цыц ты, Машенька!

ДОЧКА:
Ах, маменька, ах, папенька,
Я ведь девица слабенька...

КУПЧИХА:
Слишком рано ей слышать брачные предложения.
Очень уж она деликатного положения.

ДОЧКА:
Ах, как же не смутиться
Пред брачным предложеньем
Субтильненькой девице
С моим телосложеньем...
Мой век — совсем короткий,
Стоит смерть надо мною,
Помру я от чахотки
Вот этою весною...

Амур! Амур! Скорее
Меня из пут отпутай...
Ах, ведь и так худею
Я с каждою минутой...
Ах, как же не смутиться
Пред брачным предложеньем
Субтильненькой девице
С моим телосложеньем...

КУПЕЦ:

Ну вот, даю я, значит, в приданье за дочкой Маней
На Остоженке «Семейные бани»,
Восемь кусков сукна заграничного,
Двадцать три тыщи наличного
И амбар с мукой у Арбата...

ЖЕНИХ:

Маловато...

КУПЕЦ:

Ах ты, шельма рыжая,
Рожа твоя бесстыжая,
Да все заморские принцы,
Только поманить их мизинцем,
Ее голышом взять были бы рады...

ЖЕНИХ:

А все же прибавить надо...

ДОЧКА:

Ах, мамашенька,
Ах, папашенька...

КУПЕЦ:

Цыц ты, Машенька!

ДОЧКА:

Ах, маменька, ах, папенька,
Я ведь девица слабенька...

КУПЕЦ:

Эх ты, окаянный, пропади ты пропадом!
Еще тебе «Номера Европы» дам,
И провались ты ко всем чертям!

ЖЕНИХ:
Ну вот и по рукам...

КУПЕЦ:
А теперь — честь и место...
Иди — поцелуйся с невестой....

ДОЧКА:
Ах, маменька, ах, папенька,
Я ведь девица слабенька...

(Поют дуэтом.)

ЖЕНИХ:
Ах, Манечка! Ах, Манечка!
Ваш ротик слаще пряничка.

ДОЧКА:
Ах, Петечка! Ах, Петечка!
Я таю, словно свечечка.

ВМЕСТЕ:
Ах, скорей, венцы и святцы!
Ах, как хочется венчаться!
В сердце трепет, в сердце страх...

ЖЕНИХ:
Ах!

ДОЧКА:
Ах!

ДОЧКА:
Ах, Петечка, ах, Петечка,
Я таю, словно свечечка...

ЖЕНИХ:
Ах, Манечка, ах, Манечка,
Ваш ротик слаще пряничка...

ВМЕСТЕ:
Ах, скорей, венцы и святцы!
Ах, как хочется венчаться!
Замирает в сердце дух...

ДОЧКА:
Ух!

ЖЕНИХ:
Ух!

(Танцуют.)

КУПЕЦ:

Ну а теперь, чтоб время не терять бы,
Честным пирком, да и за свадьбу!

(Благословляют жениха и невесту.)

ВСЕ:

Эх, до москвичек каждый лаком,
Уж больно бабы хороши!
И потому с законным браком
Вас поздравляем от души!

(Кадриль.)

(Занавес)

СМОТРИНЫ НЕВЕСТ

СВАХА:

(гадает на картах)

Ну-с, в добрый час...
Для дома — раз.
Долго ль буду жива?
Для меня — два.
Ты, Амур, посмотри!
Для сердца — три.
Все превратно в житейском сем мире...
Что меня ожидает? — четыре.
В довершение всего же опять:
Чем успокоюсь я? — пять.

(Влетает бомбой Купчик.)

КУПЧИК:

Бонжур-с вам, Марь Иванна!
Коман ву портевус?
Жить больше без романа
Никак я не могу-с!
От этой незадачи
Делишки есть до вас.
Насчет невесты, значит,
Любовный вас ис дас...
Подсортуй ты мне какую,
Хоть такую,
Хоть сякую,
Хоть кривую,
Хоть хромую,
Хоть облезлую какую!
Только подсортуй!
Коль дело до женитьбы
Дошло, в один момент
Я б бросил даже пить бы,
Что твой интеллигент...
Ах, на любой девице
В борении страстей
Желаю я жениться
И никаких гвоздей...

СВАХА:

У меня невест — во сколько!
Выбирай любую только.
Вот хотя бы для примера
Для такого кавалера
Вот такая бабища!
Вот такие лапища!
Сложена телесно
Совершенно честно!
Нос — широкий,
Глаза — с поволокой,
Вид — прелестный
И амбар железный.
Будьте любезны!
Есть еще другая,
Щуплая такая.
Ресницы, что стрелки,
Глаза, как тарелки,
Бровки — кантиком,
Губки — бантиком.
Все ахает да вздыхает,
Не ходит, а порхает,
Словно ангел по земле.
И пахнет духами «Рале».
Что ее ни спроси,
Все «бонжур» да «мерси».
А в талье, что твой кипарис она.
И зовут ее прямо небесно:
Клеопатра Наруисовна.
Будьте любезны!

КУПЧИК:

Не растравляй меня ты, бестия,
Не то, ей-ей, взорвусь на месте я!

СВАХА:

Хоть ко мне сюрпризом влез ты,
Относительно невесты
Это я могу...
Ты ж, брильянтовый кумир мой,
Схоронись-ка здесь за ширмой,
И, чтоб ни гу-гу...

1-Я НЕВЕСТА:

Хоть сызмальства мама с папой
И зовут меня растяпой,
Я не плачу все ж.
Пусть московская Матрешка
И растяписта немножко,
Ну а вид хорош...
Пусть к тому ж я и курноса,
В этом тоже нет вопроса.
Только помни все ж:
По марьяжным по вопросам,
Всех могу оставить с носом
Прямо сколько хошь...
Подмигну лишь только глазом —
Побежит Москва вся разом,
Целоваться чтоб...
Я хотя и не балую,
Но кого уж поцелую,
Тут ему и гроб...

КУПЧИК:

Ох, зови скорей попа ты!

СВАХА:

Погоди ты, черт патлатый.
Тсс...

2-Я НЕВЕСТА:
(входит)

Средь житейской пустоты,
В тоскливой жизни бренной
Я обожаю лишь цветы,
Конфеты и Шопена...
Доводит он меня до слез:
Такой он светлый, хрупкий...
Пардон! Попудрю только нос
И напомажу губки...
За нежность чувств моих меня
Ругают оттого все —
Они земные...
Ну а я,
Я — неземная вовсе.
И лишь придет пора, средь роз
Умру весной в Алупке...

Пардон! Попудрю только нос
И напомажу губки...

КУПЧИК:

Ох, зови скорей попа ты!

СВАХА:

Погоди ты, черт патлатый...
Тсс...

3-Я НЕВЕСТА:
(входит)

Есть всякие мамзели
Из всяких заграниц...
Да очень щуплы в теле,
Они все вроде спиц...
А вот меня, такую,
Веди хоть на парад!
Кого уж обниму я,
Так кости затрещат...
Пусть вроде я оладушки,
Но ты не тронь меня....
Ах, батюшки! Ах, матушки!
Застенчивая я...
Белила да румяна
И не бывали тут.
Мне даже очень странно:
Зачем их продают?..
Уж будьте вы любезны,
Куда ни посмотри,
Все безусловно честно!
Ну хоть платком потри!
Пусть вроде я оладушки,
Но ты не тронь меня!
Ах, батюшки! Ах, матушки!
Застенчивая я.

КУПЧИК:

Ох, зови скорей попа ты!

СВАХА:

Погоди ты, черт патлатый!
Тсс...

4-Я НЕВЕСТА:

**Коль хочешь ты жениться,
То не ищи девицы.
Эх, глупая головушка...
Вот то ли дело — вдовушка!
Ничуть других не хуже,
И с практикой к тому же...
Когда какой голубчик,
Поручик или купчик,
Задумает жениться,
Такую ли, сякую ли,
Кривую ли, хромую ли,
Из всяческих растреп,
Но лишь девицу чтоб...
Лишь в дом войдет красавица,
Вот тут и начинается:
Этим я не занималась,
Этому не обучалась,
Этого не понимаю,
Этого совсем не знаю...
Ох-ох-ох! Да ах-ах-ах!
И чуть что, сейчас же — трах
Вверх ноздрями на софу.
Тьфу!
Эх, глупая головушка...
Вот то ли дело — вдовушка...
Ничуть других не хуже,
И с практикой к тому же...**

КУПЧИК:

**Не могу я молчать совершенно!
Человек я ведь есть, а не стул!**

(Опрокидывает ширму.)

СВАХА:

Погоди же ты, черт оглашенный!

НЕВЕСТЫ:

(убегая)

Караул! Караул! Караул!

КУПЧИК:

**Разбежались все невесты!
Вот так фунт! Вот так пассаж!**

СВАХА:
Неотесанный балбес ты!
И с чего вошел ты в раж?

КУПЧИК:
Прямо даже нету мочи,
Так хочу жениться! Факт!
Потому, мадам, короче:
Же ву зэм и абгемахт!

КУПЛЕТЫ СВАХИ:
Не вдовица, не девица,
Просто-напросто ля фам
И большая мастерица
По хозяйственным делам.
Для семейной жизни все ведь
Я умею приготовить:
Щи, борщ, кашу,
Простоквашу и печенье
И варенье,
И пампушки,
И ватрушки,
И перцовку,
И вишневку,
И копченные сиги,
И блины, и пироги,
Да какие?!
Вот такие...
И сама я, как известно,
Тоже, будьте вы любезны,
Ничего себе...
Ничего себе...
Коль кому уже, примерно,
Счастье взять меня женой,
Будет пьян и сыт по горло
В день три раза он со мной.
Для семейной жизни все ведь
Я умею приготовить:
Щи, борщ, кашу,
Простоквашу,
И печенье,
И варенье,
И пампушки,
И ватрушки,

И перцовку,
И вишневку,
И копченные сиги,
И блины, и пироги.
Да какие?!
Вот такие...
И сама я, как известно,
Тоже, будьте вы любезны,
Ничего себе...
Ничего себе...

КУПЧИК:

Дайте губки без уступки,
Коль для вас мы не плохи...

СВАХА:

Так и быть уж, нате губки...

НЕВЕСТЫ:

(высовывая из-за двери головы)

Хи-хи-хи-хи... Хи-хи-хи....

ВСЕ:

(в публику)

От куплета до куплета
Водевиль окончен наш.
Не сердитесь же за этот
Водевильный ералаш.
Кто в Москву приедет с места,
Всех там тянет к сватовству.
Коль кому нужна невеста,
То пожалуйте в Москву!

(Занавес)

НА ПОЦЕЛУЕВОМ МОСТУ

(Ночь. На Поцелуевом мосту стоит дама. Один из прохожих останавливается.)

ОН:

Могу ль, сударыня, спросить я,
Как называется сей мост,
Сей мост, на коем вы стоите
Одна среди полночных звезд.

ОНА:

Наверно, вы из инородцев?
Сей, сударь, мост совсем не прост.
Он Поцелуевым зовется,
Сей самый лучший в мире мост.

ОН:

Но почему же вдруг такое
Дано название ему?
Не понимаю ничего я...

ОНА:

Да потому что... Потому...
Не смейте плеч моих касаться!
Я за невежу вас сочту...

ОН:

Ну можно ль не поцеловаться
На Поцелуевом мосту?
Я шел один средь улиц сонных,
Но вот вы встретились и вдруг
Вмиг стал Гренадой для влюбленных
Санкт-Петербург, Санкт-Петербург!

ОНА:

Закон любви чрезмерно прост.
На то и ночь, чтоб целоваться!
На то и Поцелуев мост!

ОБА:

Ах, господа, чего ж стесняться?
Мы скажем вам напрямоту:
Ах, как приятно целоваться
На Поцелуевом мосту!

(Занавес)

КОТОРАЯ ИЗ ДВУХ

ОН:

Ах, вы поймите мои мученья,
Ах, вы поймите мои страданья,
Я вам сознаюсь интимно вслух:
Вообразите, в то воскресенье
Принес Эроту двойную дань я,
Влюбился сразу, влюбился в двух.
Одна...

БЛОНДИНКА:

Мари.

ОН:

А другая...

БРЮНЕТКА:

Нинон.

ОН:

И, черт побери,
Я в обеих влюблен.
У Мари...

БЛОНДИНКА:

Словно лен волоса.

ОН:

У Нинон...

БРЮНЕТКА:

Крыл вороньих черней.

ОН:

У Мари...

БЛОНДИНКА:

Голубые глаза.

ОН:

У Нинон же...

БРЮНЕТКА:

Черней всех ночей.

ОН:

Одна...

БЛОНДИНКА:

Мари.

ОН:

А другая...

БРЮНЕТКА:

Нинон.

ОН:

**И, черт побери,
Я в обеих влюблен.
И стою перед ними опять,
Затаивши в смущении дух.
Ах, которой же сердце отдать?
Ах, которой? Которой из двух?
Одна...**

БЛОНДИНКА:

Мари.

ОН:

А другая...

БРЮНЕТКА:

Нинон.

ОН:

**И, черт побери,
Я в обеих влюблен.
Одна...**

БЛОНДИНКА:

Мари.

ОН:

А другая...

БРЮНЕТКА:

Нинон.

ОН:

**И, черт побери,
Я в обеих влюблен.**

Конферансье останавливает действие и просит публику выбрать за кавалера блондинку или брюнетку. Ставит на голосование. Кавалер уходит с выбранной дамой. Забаллотированная говорит публике:

Ну и вкус же у вас!

(Занавес)

КУЗЕН, КУЗИНА И ЛУНА

КУЗИНА:

Осенним сном спит старый дом
И вспоминает в сне своем
Прадедушек пиры и свадьбы,
И каждой веткой шепчет мне
О звонкой пышной старине
Родная старая усадьба.

КУЗЕН:

Как тихо здесь, все спать ушли,
И только где-то там вдали
Вздыхает вальсом фортепьяно.

САТИР:

Эге, интрижка быть должна:
Кузен, кузина и луна.
Вот все, что нужно для романа.

КУЗЕН:

Мы с вами в первый раз вдвоем...
Луна закрылась рукавом
И соловей рыдает в роще...

КУЗИНА:

А если тетя вдруг придет?

САТИР:

Черт побери! На этот счет
У нас в Элладе было проще...

КУЗИНА:

В том вальсе смех бежит ручьем...

КУЗЕН:

О нет, кузина, это в нем
Рыданье скорби прозвенело...

САТИР:

Эх, что-то дело не идет...
Где ты шатаешься, Эрот?
Тащи скорей колчан и стрелы!

АМУР:

Бонжур, бонжур! Же сюи л'амур!
Без всяких комментарий,
Парске кругом требьен знаком
Любой влюбленной паре,
Илиа мильон жоли шансон
В моем репертуаре.
Бонжур, бонжур, же сюи л'амур!
Без всяких комментарий...

КУЗИНА:

Кузен, вы видели сейчас,
Как пробежал Амур меж нас?
И сердце бьется в сладкой дрожи
И рвется за Амуром вслед.

КУЗЕН:

Увы, в наш век Амуров нет!

САТИР:

Ну это глупости, положим!

КУЗЕН:

Ах, как жесток мой мрачный рок...
Я так, кузина, одинок,
Что пуля в лоб — одно лишь средство...
Люблю я девушку одну...

КУЗИНА:

Кузен, а кто ж она?

САТИР:

Разговорились наконец-то!

ВСЕ:

Амур, Амур, спаси ты нас
От посторонних всяких глаз,
Особенно спаси от тети!
Что поутру мы скажем ей?..

САТИР:

Эх, да целуйтесь же скорей!
А тете что-нибудь наврете.

КУЗЕН:

Одна любовь есть у меня...
В нее давно влюбился я...

САТИР:
Эге, он действует умело.

КУЗИНА:
Ну кто ж она? Лизетт, Мари?

КУЗЕН:
О, нет, о, нет...

САТИР:
Черт побери,
Поменьше слов, побольше дела!

КУЗИНА:
Ужель вы любите Лизетт?

АМУР:
О нет же, нéт! Ей-богу, нет!

КУЗЕН:
Люблю другую я...

САТИР:
Ну то-то!

ВСЕ:
В любовной песне всякий раз
Сплетается Сатира бас
С галантным дискантом Эрота...

КУЗЕН:
В ее глазах смеется май...

САТИР:
Да обнимай же, обнимай!
Целуй кузину без оглядки!

КУЗИНА:
Кузен, ответьте мне тотчас,
Кого же любите вы?

КУЗЕН:
Вас!

САТИР:
Фу, наконец-то все в порядке!

(Занавес)

РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ

ОН:

Ах, ужасно интересно
С вами польку танцевать.
Словно ангел вы прелестны!
Раз, два, три, четыре, пять.

ОНА:

Что за скверные манеры,
Перестаньте щекотать!
Все мужчины лицемеры!
Раз, два, три, четыре, пять.

ОН:

Фу ты, ну ты, Анн Иванна,
Уж нельзя и щекотать?
Это даже очень странно!
Раз, два, три, четыре, пять.

ОНА:

А зачем вчера, вздыхая,
Вы ходили провожать
Марь Семенну? Я все знаю!
Раз, два, три, четыре, пять.

ОН:

Отказать не мог я даме.
Но по правде коль сказать:
Просто тьфу она пред вами!
Раз, два, три, четыре, пять.
После танца не хотите ль
По проспекту погулять?

ОНА:

Ах, какой вы обольститель!
Раз, два, три, четыре, пять.

ОН:

А покуда до кадрили
В сад пойдемте помечтать!

ОНА:

Ну вот и уговорили
Раз, два, три, четыре, пять...

(Занавес)

МЕЩАНСКАЯ ПОЛЬКА

ОН:

Марь Иванна, неустанно
Вас люблю я от души!
Марь Иванна, Марь Иванна,
Вы, как ангел, хороши!

ОНА:

Ах, оставьте вы намеки!
Вы обманщик!
Знаю вас...

ОН:

Почему вы так жестоки
Почему же? Пуркуа-с?

ОНА:

Если б я была бы вашей...

ОН:

Это было б тре шарман...

ОНА:

Побеседуйте с мамашей...

ОН:

Но при чем же тут маман?..

ОНА:

Я ведь — маменькина дочка
И без маменьки — пардон...

ОН:

Ух, какие ваши щечки...
Можно разик в щечку?

ОНА:

Нон!

ОН:

Марь Иванна, а нельзя ли
Вас спросить мне...

ОНА:

А о чем?

ОН:
Где вы ситчик покупали?

ОНА:
На базаре.

ОН:
А почем?

ОНА:
Не щипайте так подмышки!
Это вовсе моветон!
Образованный, в манишке —
И щипаетесь...

ОН:
Пардон!

ОН:
Не хотится — как хотится...
Небольшой в том интерес...

ОНА:
Я ведь честная девица,
И щипаться, атанде-с,
Позволяю очень редко
Кавалерам это я...

ОН:
Ух, коварная кокетка,
Вы погубите меня!

ОНА:
Не гублю я вас нисколько.
Это хоть и баловство,
Да боюсь вот, чтобы только
Как бы не было чего...

ОН:
Это даже очень странно!
Я прошу лишь поцелуй...
Разрешите, Марь Иванна,
Поцелуйчик в губки!

ОНА:
Вуй...

(Занавес)

ГРУСТНАЯ ПОЛЬКА С ВЕСЕЛЫМ КОНЦОМ

ОНА:

Отчего вы так суровы?
Отчего печаль в глазах?
Ну скажите же хоть слово!
Что вы все молчите?

ОН:

Ах!

ОНА:

Почему же, отчего же
Каждый раз тяжелый вздох
Ваше сердце так тревожит?
Что такое с вами?

ОН:

Ох!

ОНА:

Ахти, ужасти какие!
Замирает даже дух...
Не такой вы, как другие.
Вы — особенные...

ОН:

Ух!

ОНА:

Ах, открыться мне должны вы...
Жизнь совсем не так плоха!
Вы печальны. Вы тоскливы,
Вы страдаете?

ОН:

Ага!

ОНА:

(в сторону)

Он влюбился, в самом деле...
Это ясно.

(Ему.)

Так и быть
Что бы вот сейчас хотели
От меня вы получить?

ОН:

Неудобно как-то, право,
Да и боязно притом...

ОНА:

Что хотите от меня вы?

ОН:

Рюмку водки с огурцом!

ОНА:

Ах, невежа, ах, лабазник,
Ах, дубина первый сорт!
Чтоб с тобой на светлый праздник
Похристосовался черт!

ОН:

(в сторону)

Вот так здорово! Ой, братцы,
Чтой-то я не так сказал...
И здоров же он ругаться,
Этот дамский персонал!

(Ей.)

Марь Иванна, я нисколько
Не хотел обидеть вас!
Марь Иванна, это только
Аллегория была-с!

ОНА:

Если взять хотите замуж,
То любить я буду вас...

ОН:

Нет уж, замуж — где уж нам уж?
Этот «замуж» не про нас...

ОНА:

Я хоть бедная девица,
Но уж в этом я строга...

ОН:

Не хотится ль вам пройтиться
Тэт-а-тэтом в сад?

ОНА:

Ага!
Ах, какие вы плохие,
И откуда вы взялись?
(Целуются.)
Ахти, ужасти какие!
(Показывая на публику.)
Что подумают они-с?

(Занавес)

ГУСАРСКАЯ ПОЛЬКА

ОН:

Ах, какой у вас прелестный,
Удивительнейший бант!
А под ним что, интересно?

ОНА:

Ах, какой интересант!

ОН:

Ах, не будьте так надменны,
Разделите страсть мою...

ОНА:

Обожаю я военных,
Только рыжих не люблю.
У кого же волос рыжий,
Все равно, кто б он ни был,
Человек он есть бесстыжий...

ОН:

Это кто вам говорил?..

ОНА:

Говорил мне это лекарь...

ОН:

Застрелю его, свинью!

ОНА:

Говорил еще аптекарь...

ОН:

И аптекаря убью!

ОНА:

Ах, какой вы кровожадный!

ОН:

Все гусары таковы!

ОНА:

Интерес к вам есть громадный.
Только — рыжие вот вы...

ОН:

Что же, рыжеват немножко...
Пусть и рыжий, а кого
Казначейша-то в окошко
И так далее, того?..
Ну а кто из Тулы в Оршу
В сорокградусный мороз
Теленкову-брандмайоршу
В шубе голую увез?..

ОНА:

Ах, какой вы, право, скверный!
Я от ужаса помру...
Только врете вы, наверно...

ОН:

Ну, ей-богу, вот не вру!
А Петрова-генеральша?
А почмейстерша?.. Да я...

ОНА:

Не могу вас слушать дальше,
Увезите и меня...

ОН:

(берет ее на руки)

Отвезу тебя к себе я,
Будем завтра там к утру...

ОНА:

А нельзя ли поскорее,
Я от ужаса помру!..

(Занавес)

РАДИО-ПОЛЬКА

ОН:

Ах, Агафья Анкундинна,
Полюбил я вас давно!
Ах, нельзя ли с вами...

КОНФЕРАНСЬЕ:

Пропуск.

ОН:

И вобче...

КОНФЕРАНСЬЕ:

Искажено.

ОНА:

Не позволю никому я
Класть на честь мою пятно!
Ах, такой-сякой вы...

КОНФЕРАНСЬЕ:

Пропуск.

ОНА:

Чтоб вас тут...

КОНФЕРАНСЬЕ:

Искажено.

ОН:

И зачем так выражаться?
Это даже не умно.
Мы бы там сначала...

КОНФЕРАНСЬЕ:

Пропуск.

ОН:

А потом...

КОНФЕРАНСЬЕ:

Искажено.

ОНА:

На подобные намеки
Я скажу вам лишь одно:
Убирайтесь-ка вы...

КОНФЕРАНСЬЕ:
Пропуск.

ОНА:
Прямо к...

КОНФЕРАНСЬЕ:
Искажено.

ОН:
**Бросьте вы сопротивляться!
Ах, ведь сердце не бревно!
Как приятно ночью...**

КОНФЕРАНСЬЕ:
Пропуск.

ОН:
Под окном...

КОНФЕРАНСЬЕ:
Искажено.

ОНА:
Так-то так... Оно конечно...

ОН:
Ну вот то-то и оно!..

ОНА:
Ах, какой вы, Вася...

КОНФЕРАНСЬЕ:
Пропуск.

ОНА:
Так и быть...

КОНФЕРАНСЬЕ:
Искажено.

ОН:
**Значит, только лишь стемнеет —
Я сейчас же к вам в окно...**

ОНА:
Ну а вдруг вас муж мой...

КОНФЕРАНСЬЕ:
Пропуск.

ОНА:

Да и даст...

КОНФЕРАНСЬЕ:

Искажено.

ОН:

Я для вас взлечу на небо,
Я для вас спущусь на дно!
Я и сам ему дам...

КОНФЕРАНСЬЕ:

Пропуск.

ОНА:

Так что он...

КОНФЕРАНСЬЕ:

Искажено.

ОНА:

Припасу для угощенья
Я закуску и вино.

ОН:

Мы сначала, значит...

КОНФЕРАНСЬЕ:

Пропуск.

ОН:

А потом...

КОНФЕРАНСЬЕ:

Искажено.

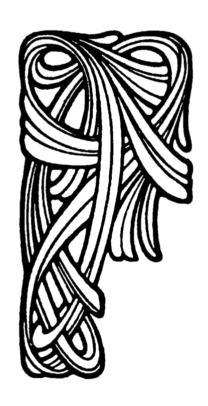
ОБА:

С неземной, нездешней страстью,
Только станет лишь темно...

КОНФЕРАНСЬЕ:

Пропуск. Пропуск. Пропуск. Пропуск.
Дальше все искажено...

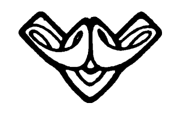
(Занавес)

Часть восьмая

Студенческие песни

ПРИВЕТ

Привет вам, слетевшимся издалека
В столицу на крыльях сорочьих
Из Омска, Якутска, Тетюшей, Торжка,
И прочих, и прочих, и прочих!

Привет вам, покинувшим отчий порог
Для жизни неведомо-новой!
Привет вам, жующим маститый биток
В студенческой польской столовой!

Привет вам, оставившим все позади,
Кипящим в столичном вулкане
С мильоном надежд и желаний в груди,
С последним целковым в кармане!

Пусть дома остались бифштексы, блины
И прочие вкусные штуки,
Но здесь — alma mater! Здесь мозг всей страны!
Здесь лучшие блюда науки.

Так что же в сравненьи с блаженством таким
Какой-то бифштекс там презренный?!
Да будет он дьяволом съеден самим
Иль кошкою обыкновенной!

Пусть давятся им! В это время же вам
Придется идти на экзамен:
Крепитесь неделю-другую, а там
Последний экзамен и — amen!

СТУДЕНЧЕСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Справа — дружный топот,
Слева — страстный шепот,
Там курсистка Лена
Мучает Шопена,
Тут из горла Оли
Просятся бемоли,
Здесь две диких дамы
Вместе тянут гаммы...

То мальчишке Гришке
Всыпят за делишки,
То он сладострастно
Гаммам подпевает,
То ему ужасно
Кошкин хвост мешает...

Ноет балалайка,
Тренькает хозяйка,
Ну а рядом, с чувством,
Болен весь искусством,
Брат телеграфиста
С помощью лишь свиста,
Как на откупу,
Жарит «ки-ка-пу»...

ОДИН ИЗ МНОГИХ

Желт, как лучший ремень,
По утрам, через день,
Пренебрегши комфортом трамвая,
Он с Васильевки прет
В даль Измайловских рот
К земляку — в скромном чаяньи чая!

Знай, мелькают мосты...
Взяв рекорд быстроты,
Входит в комнату с видом угрюмым...
Ах ты, съешь тя комар!
На столе — самовар

И торжественный ситный с изюмом.
Но бывает и так,
Что коллега-земляк
Сам идет этой торной тропою...
Станут, глянут, вздохнут
И уныло идут
Уловлять человека... с деньгою...

А в обеденный час,
Надорвав гневный бас
Громко с бурей по адресу мира,
Он берет на пятак
Пресловутый форшмак
И как можно побольше гарнира!

Эх, теперь бы да взять,
Да пойти почитать,
Ведь несданных зачетов — корзина!
Но домой не влечет:
Трудно сдать тот зачет
И без книги, и без керосина!

Надо, как ни верти,
Вновь в Публичку идти:
Там и книги, и свет — даровые!..
И, прочтя сотню строк,
К Покрову, на урок
Снова мчится... надежда России!

В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СТОЛОВКЕ

На катар давно патент
Взял студент со злобы!
Ну-ка, где такой студент,
Без катара чтобы?!

Каша гречневая — три,
Полбитка — тринадцать,
Хлеб же даром! Знай бери!
Итого — шестнадцать.

Если ж вздумаешь когда
Тихо лопнуть с жиру,
То возьми еще тогда
На пятак гарниру!

Ну а если твой бюджет
С горя, деликатно,
Объявил нейтралитет,
Помни: хлеб — бесплатно!

Для студента-голяка
Много ли потребно?
Каша с хлебом, полбитка
И — великолепно!

ЧАЙНАЯ КОЛБАСА

Пускай прилизанный певец
Бубнит в своем стихе
О куцой страсти двух сердец
И прочей требухе!

Но «qualis rex» суть «talis grex»!*
Звените ж, голоса!
Пою тебя, о, колбаса —
Студенческий бифштекс!

С богами в близком ты родстве,
О, фея чердака!
Фунт — двадцать шесть и двадцать две,
Фунт в рот, и жизнь — легка!

Коллеги, кто ее не ел?
И впредь не будет есть:
Фунт — в двадцать две и в двадцать шесть,
И в тридцать, как предел!

Диплом тяжел! Без лишних слов,
Коль бросить на весы,
Пятнадцать минимум пудов
Погибшей колбасы!

О, фея, равная богам,
Спасай же нас, спасай!
И впредь дипломы раздавай,
С катаром пополам!

---

* Каков царь — такова и толпа.

КОММУНА

Сенька, Мишка, Гошка,
Колька и Алешка
Рассуждали вкупе
О домашнем супе,
О дороговизне
Петербургской жизни,
О тоске с катаром,
Розах их фортуны.
И, увлекшись с жаром
Благами коммуны,
Порешили так:
Я — пятак, ты — пятак,
Тот — пятак, другой — пятак,
Глядь и — четвертак!
На копейку — соли,
На пятак — фасоли,
Зелени две ложки,
Фунта три картошки,
Четверть фунта круп —
Вот тебе и суп!
Сенька, Мишка, Гошка,
Колька и Алешка
Дружно, без заминки,
Около бензинки
Вертятся, вздыхают,
Чмокают, галдят...
И, усевшись в ряд,
Сразу замирают...
Тсс! Они — они едят!

ПЬЯНАЯ

Пей до дна! Не хнычь! Довольно!
Горе — антиалкогольно,
Только к трезвым льнет,
Пьяных — пальцем же не тронет!
Горе в первой рюмке тонет,
Как турецкий флот!
Пей до дна! Без счета! Ну-ка!
Жизнь — препакостная штука!
Трезвым — страшно жить!
В этой жизни — все мы вместе,
Вроде, как бы... мухи в тесте!
Как же тут не пить?!
Пейте! Рюмок не считайте!
Пейте — залпом лишь! И знайте:
Истина — в вине!
Если ж нет вина, то — в водке:
В бочке, в четверти иль в сотке,
Но — на самом дне!
Поумней нас люди были,
Да и те ведь проходили
Этот пьяный стаж...
Пусть в мозгу звенят кимвалы!
Пусть хоть час, да наш!..
Если ж смерть к нам постучится,
Вспомним, что она — девица!
Дама, как-никак!
И предложим ей учтиво
Выпить вместе с нами пива
И сплясать гопак!

ВЕЧЕРИНКА

У «раевки» Зины
Сегодня веселье:
Не то именины,
Не то новоселье.

Но суть-то не в этом,
А в том, что при этом
Сегодня у Зины
Есть фунт солонины,
Полфунта грудинки,
Бутылка «рябины»,
Маслины, сардинки
И сверхаппетитный
Филипповский ситный...

От этакой снеди, в восторге и неге,
Расплылись блаженно коллеги...
Сенька — урчит,
Лешка — пыхтит,
Эти — поют,
Эти — вздыхают,
Все же вместе — жуют
И — глотают!
Ели так, ели, и — без канители
Все съели!

Задумались...
Тихо...
В молчаньи суровом
Коллега Иванов с коллегой Петровым
Послали за пивом.
Приехало пиво...
Ребята, evviva!
Полно вам, товарищ Нюра,
Что вы смотрите так хмуро?!
Вы не пьете, мы же — пьем!
Ну-ка, братцы, дерганем:
«Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки ш-и-и-рокой...»
Громко этак, и свежо...
Хорошо!

ПРЕДРАССВЕТНО-ПЬЯНОЕ

— Извозчик, на Невский! Полтинник!
Хочу посмотреть высший свет!
Сегодня я, брат, — именинник!
А, впрочем, быть может, и нет!
Не помню, наверное, что-то...
Чертовски рассеян! Пойми:
Юрист я! Что, чувствуешь?! То-то!
Вези веселей, черт возьми!

Живее, живее, галопом!
Карьером, чтоб все ходуном!
Утрем-ка носы всем Европам
И все их рекорды побьем!
Не хочешь?! Плевать! И не надо!
И к черту! Поедем и так!..
Мне... Надо сейчас лимонада,
Жжет то есть!!! Так жжет, что — никак!!!

Эх, милый, в груди этой — мука!
Душа, понимаешь, пьяна!
Жизнь, юноша, гнусная штука,
Зловредная дама она!
Любому испортит прическу,
Любому пропишет мораль!..
Ты куришь? Бери папироску,
Бери всю коробку! Не жаль!
Да ну, пошевеливай клячу!
Ведь нас обогнали опять!..
Извозчик, ты видишь — я плачу!
Я... плачу, а им — наплевать!

Э-эх, кто же поймет эту муку?!
Пойти рассказать?! Да — кому ж?!
Извозчик, товарищ, дай руку!
Жизнь, братец, — ужасная чушь!

МЕЧТЫ!.. МЕЧТЫ!..

Хорошо, черт возьми, быть Карнеджи,
Жить в каком-нибудь, этак, коттедже
И торжественно, с видом Сенеки,
До обеда подписывать чеки!

На обед: суп куриный с бифштексом,
После — чай, разумеется, с кексом,
В крайнем случае — можно и с тортом,
Вообще, наслаждаться комфортом...

Чтобы всякие там негритосы
Набивали тебе папиросы,
А особые Джеймсы и Куки
Ежедневно бы чистили брюки!

Чтобы некая мистрис прилежно
Разливала бы кофе и нежно
Начинала глазами лукавить,
Потому что иначе нельзя ведь!..

Чтоб в буфете всегда было пиво,
Чтоб его попивая лениво,
Позвонить Вандербильду: «Алло, мол,
Взял ли приз ваш караковый Ромул?»

В пять часов, на своем файф-о-клоке
Спорить с Гульдом о Ближнем Востоке
И, на тресты обрушившись рьяно,
Взять за лацкан Пьерпонта Моргана!

А затем, в настроеньи веселом
Прокатится по всем мюзик-холлам
И в компании с лучшими денди
Исключительно пить шерри-бренди.

Если ж денег случайно не хватит
(Ну... Китай, что ли, в срок не уплатит...),
То вздыхать не придется тревожно:
Призанять у Рокфеллера можно!

Хорошо, черт возьми, быть Карнеджи,
Жить в каком-нибудь, этак, коттедже
И, не сдав даже Римского права,
Наслаждаться и влево, и вправо!

СНЕГ НА ГОЛОВУ

Звякни, стих, подобно олову!
Заори, как печенег!
На студенческую голову
Выпал снег!

У Сеньки-юриста
Пальто неказисто,
Но все же, зато,
Пальто!
Во-первых: есть два
Рукава,
Во-вторых: пара кантов на них,
В-третьих: даже сам «князь»,
Им весьма восхитясь,
Позапрошлой зимой,
Не владея собой,
За пальто это... вместе с корзиной
Предлагал — два с пол-ти-ной!!!

Петли... хлястик... все есть на местах,
Как в лучших домах!

Филолог Колька Перевалин
В одежде индивидуален!
На нем —
Помесь дамской мантильи с испанским плащом!
Одеяние это —
Наследье поэта:
Все в пятнах, как солнечный диск оно!
Но Колька, увлекшись попыткой
«Навевать человечеству сон»,
Называет изысканно
Свой балахон
Накидкой!

Звякни, стих, подобно олову!
Заори, как печенег!
На студенческую голову
Выпал снег!

ЯНВАРСКИЕ РИФМЫ

Мое пальто — предел мечтаний,
Мое пальто — венец желаний,
И, отвечаю рубль за сто,
Что никогда, никто,
Ну ни за что
Не видел лучшего пальто!

Его воспеть не в силах бард,
А оценить — ломбард!
Клянусь текущим январем,
Нет даже пятнышка на нем,
Пальто моем!

Что за покрой?! Что за сукно?!
Но
Не нравится мне лишь одно:
Оно... Оно...
Да... летнее оно!

«СНИМУТ КОМНАТУ»

Вверх и вниз по этажам,
В неустанном беге,
Знай, несутся там и сам
Парные коллеги...
«Здесь сдается?..» — «Как же-с, — вот.
Тишь. Благоуханье.
Ванна. Свет. Парадный ход».
«Сколько?.. До свиданья!..»

Там, где комната годна,
Там хозяйка недурна,
Комната — не гожа!
...Выше, выше, хоть умри!
Жарко, словно в Ялте!..
Стоп, вот № 43.
«Комнату? Пожалте!
Три аршина в ширину,
Столько и в длину же...
И цена — двенадцать...» — «Ну,
Снимем, что ли, друже?
Ведь не вредное купе!..»
Друг в решеньях краток,
И, прельстившись канапе,
Молвит свысока так:
«Вот вам рубль в задаток!»

ДОМОЙ НА ПРАЗДНИКИ!

Студент Воскобойников
Хмур, как ворона.
Студент Воскобойников
Ждет почтальона...
«Придет или нет?
Если — нет, то прощай, опостылевший свет,
Если ж — да,
То когда?

Не идет!.. Вот ведь — свинство, ей-богу!..
Ведь, должно быть, десятый уж час!
Не пришлют, значит, мне на дорогу...
Н-да-с!

Ну, конечно... Зачем я им нужен?
Ну зачем им, по совести, я?..
Вот, теперь, там садятся за ужин
И ругают, наверно, меня!..

Пусть не сдал я ни Догмы, ни Права...
Ну так что ж?! Раз не сдал, значит, сдам!
Вообще, что я — маленький, право?!
Знаю сам!»

Мысли мрачны и липки, как мухи в меду,
И черны, словно негры в аду!..
Но задумался рок,
Но раздался звонок,
И, мечтой осенен,
Стукнул в дверь почтальон!..

«Бр-а-а-тцы, два-а-ад-ца-а-ать рублей!!!»
Эй,
Тоску — на задвижку,
Подушку — подмышку,
В карман — бутерброд,
И, с кипою денег,
Чрез восемь ступенек
Вприпрыжку,
Вперед!
«Извозчик, Варшавский вокзал!
Гони, чтоб сам черт не догнал,
Во все лошадиные ноги...» —
«Счастливой дороги!»

ВЕСЕННЕЕ

Ах, черт возьми, какая благодать!
Весна! Всего пять букв! А слово-то какое?!
В нем солнце, плеск ручья, зеленый шум лесов,
Девичий поцелуй, цветы и все такое,
Чего не перечесть, чему нет должных слов...
И хочется весь день до одури кричать:
«Ах, черт возьми, какая благодать!»

Сегодня и вчера — все женщины прекрасны,
И каждая из них — что Клео де Мерод,
В глазах — весенний хмель... И вовсе не напрасно
Спросить у ней о том, где все ж она живет?
Чтоб вместе каждый миг блаженно повторять:
«Ах, черт возьми, какая благодать!»

Но в городе весна больна туберкулезом
И, собственно, должна скончаться уж давно!
Плюется дождиком и кашляет морозом,
На небе ж — серое солдатское сукно!
И лишь проглянет луч, как хочется орать:
«Ах, черт возьми, какая благодать!»

Нет, прочь из города! В деревню, в лес, в Тетюши,
Где нет ни скептиков, ни Думы, ни газет,
Где можно всю весну и лето бить баклуши,
Валяться на траве, глазеть на Божий свет,
Ухаживать, есть борщ, пить молоко и спать!
Ах, черт возьми, какая благодать!

ЭКЗАМЕНАЦИОННОЕ

Студент Краснобаев уткнулся в тетрадь.
Седьмого он химию должен сдавать...
И сыплются формулы: «Аш...», «це-о-два...»
Набита с краями давно голова...
А тут это солнце еще как назло!
Эх, если б не завтра — седьмое число...

Упрямятся формулы! Выведи их,
Когда манят дали небес голубых,
Когда в окна плещут потоки лучей
И кружатся стайки залетных грачей...
Когда хмель весенний звенит в голосах
И сердце тоскует о чьих-то глазах...
Студент Краснобаев вдруг начал вздыхать,
Студент Краснобаев захлопнул тетрадь,
Студент Краснобаев весне дань отдаст,
Студент Краснобаев — зачета не сдаст!

ТАНЯ

Таня — гордая инфанта,
Таня — лилия долины,
Жанна д'Арк плюс Иоланта
И немного Мессалины!
Таня — греза в полной мере,
Таня — Лина Кавальери,
Таня — служит на Садовой
Подавальщицей в столовой.

Таня! Таня!.. Ради Тани
Ем я там битки в сметане,
Клопсы, супы и бульоны,
Пирожки и макароны,
И рагу, и буженину,
И свинину, и — конину!
Кто же, кто отдаст мне вновь
И потерянный рассудок,
И испорченный желудок?!
Вот она — любовь!

КАССИРША РИТА

В булочной герр Шмита
Есть кассирша Рита.
У кассирши Риты
Щечки, что бисквиты!
В предвкушеньях неги
Бесятся коллеги
И слагают вирши,
Вирши в честь кассирши!
Но кассирша Рита
Тверже сталактита:
В общем — склонна к шутке,
В частности же — дудки!..
И коллеги с края
Вертятся, вздыхая...
Ситный покупают
И опять вздыхают!

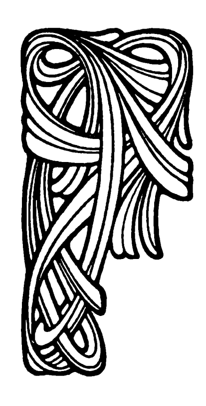
ЗАВЕТ

Будь высоким, краснощеким,
Крепкогрудым, зоркооким,
Как твой предок-зверолов!
К черту — хилых и унылых!
В яму — дряблых слизняков!
Пусть скопцы брюзжат сурово
О тщете всего земного
И клянутся сединой,
Что в могиле лишь одной
Нам дано отдохновенье,
Что, мол, жизнь — одно лишенье,
Искушенье, слезы, мука,
Позолоченный хомут...
Врут!

Посмотри: на небе — солнце,
На земле — девичий смех!
Светит смех! Смеется солнце! Эх!
В хороводы! В хороводы! Гей, веселая орда!
Грусть — на крюк! В карман невзгоды! Гей, сюда!
Пусть вон тот юнец с пробором
До седьмого позвонка
Смотрит кислым резонером...
В речку дохлого щенка!
Пусть вон та седая дама,
Современница Адама,
Нам грозит дрожащим пальцем
И, воззвав ко всем страдальцам,
Выражая гнев и грусть,
Норовит в слезах истечь!
Ну и пусть!
Пренебречь!
Эй, не кисни! В этой жизни
Смех — надежнейший вожатый!
Смех с дороги не собьется!
Пусть весь мир дрожит и бьется,
Словно кошкин хвост, прижатый
Ненароком меж дверьми.

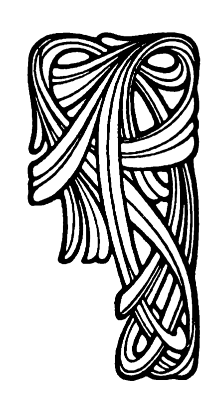
Прочь унылых! В яму — хилых!
Будь здоровым! Будь веселым!
Будь Лукуллом полуголым!
Будь кентавром, черт возьми!

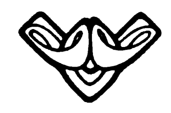
Жизнь — единственное чудо!
Как философ ни злословь,
Есть на свете ведь покуда
Солнце, Гейне и Любовь!

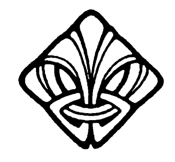

Часть девятая

За белой сказкой

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Белой ночью белый ландыш
Я воткну, грустя, в петлицу
И пойду за белой сказкой
В белый призрачный туман...

Посмотрите, посмотрите,
У Цепного моста кто-то
В старомодной пелерине
Неподвижно смотрит вдаль.

Господин в крылатке тихо
Про него шепнул другому:
«Николай Васильич Гоголь,
Сочинитель «Мертвых душ»...

У Сената, сдвинув брови,
Гнет сверкающую шпагу
Незнакомец в треуголке
С пистолетом при бедре.

Отчего так странно-бледен
Незнакомец в треуголке?
Отчего сжимает петля
Золоченый воротник?..

Чу! К нему, гремя оружьем,
С двух сторон подходят двое...
Подошли: «Полковник Пестель,
Нас прислал к вам государь!»

Белой, мертвой, странной ночью,
Наклонившись над Невою,
Вспоминает о минувшем
Странный город Петербург!

Посмотрите, посмотрите,
Вот задумался о чем-то
Незнакомец в альмавиве,
Опершись на парапет...

С Петропавловской твердыни
Бьют Петровские куранты,
Вызывая из могилы
Беспокойных мертвецов!

И тотчас же возле арки,
Там, где Зимняя канавка,
Белый призрак Белой дамы
Белым облаком сошел...

Зазвенели где-то шпоры,
И по мертвому граниту
К мертвой даме на свиданье
Мчится мертвый офицер!

Герман?! Лиза? И тотчас же,
Оторвавшись от гранита,
Незнакомец в альмавиве
Гордый профиль повернул.

Александр Сергеич, вы ли,
Вы ли это?.. Тот, чье имя
Я в своих стихах не смею
До конца произнести?!

Белой, мертвой, странной ночью,
Наклонившись над Невою,
Вспоминает о минувшем
Странный город Петербург!

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Ровно в полночь, из тумана
Опустился Белый лебедь
И прикрыл уснувший город
Белым ласковым крылом...

Дайте руку и пойдемте
Побродить прозрачной ночью
По звенящим тротуарам...
Дайте ж руку и пойдем!
Это, если вы — мужчина,
Если ж — женщина, и сердце,
Да, и сердце дайте тоже,
Потому что ведь весна!
Не хотите? Как хотите!
Что ж, сидите дома вместе
И с рукой своей, и с сердцем,
Ну а я — пойду один...

Ах, весенней белой ночью
Все — какие-то другие:
Все Анюты — Донны Анны,
Всяк Иван же — Дон Жуан!
Вдоль по набережной всюду —
Пары, пары, пары, пары...
И за каждою спиною
Улыбается Эрот!
Как сиамские уродцы,
Все гуляют здесь по парам,
Даже каменные сфинксы,
Понимаете, вдвоем!

Тише, тише! Тсс! Ни звука!
И, на цыпочках подкравшись,
Обнял сонную столицу
Белый ласковый туман...
У Невы, спиной к Сенату,
Кто-то в черной альмавиве
Смотрит вдаль, рукой небрежно
На гранит облокотясь...

Где я видел этот профиль?
Александр Сергеич, вы ли,
Вы ли это?! Боже правый!
Миг, и нету никого!

О, сударыня, простите,
Кринолин теперь не в моде
И давно не носят тоже
Дамы белых париков...
И к тому же ваши щеки
Слишком бледны... Слишком бледны!
Вы как будто не живая?..
Но, позвольте, где же вы?!
Мерно пробили куранты,
Чу, рассвет!.. И вот зевает,
Ухмыляясь на восток,
Краснорожий наглый день...

Эй, за хлебом, на работу!
И, стрелою солнца ранен,
Взвился в небо Белый лебедь
С окровавленным крылом!..

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТРИОЛЕТЫ

Скажите мне, что может быть
Прекрасней Невской перспективы,
Когда огней вечерних нить
Начнет размеренно чертить
В тумане красные извивы?!
Скажите мне, что может быть
Прекрасней Невской перспективы?!

Скажите мне, что может быть
Прекрасней майской белой ночи,
Когда начнет былое вить
Седых веков седую нить
И возвратить столетья хочет?!
Скажите мне, что может быть
Прекрасней майской белой ночи?!

Скажите мне, что может быть
Прекрасней дамы петербургской,
Когда она захочет свить
Любви изысканную нить
Рукой небрежною и узкой?!
Скажите мне, что может быть
Прекрасней дамы петербургской?!

ЕЛИСАВЕТ

Ау, века! Ах, где ты, где ты,
Веселый век Елизаветы,
Одетый в золото и шелк?!
Когда в ночи, шагая левой,
Шел на свиданье, как Ромео,
К императрице целый полк;
Когда на царском фестивале
Сержанты томно танцевали
С императрицей менуэт...

Любила очень веселиться
Веселая императрица
Елисавет!

Ау, века! Ах, где ты, где ты,
Веселый век Елизаветы,
Когда на площади Сенной
Палач в подареной рубахе
К ногам царицы с черной плахи
Швырнул язык Лопухиной!
И крикнул с пьяною усмешкой:
«Эй, ты, честной народ, не мешкай!
Кому язык? Берешь аль нет?!»

Любила очень веселиться
Веселая императрица
Елисавет!

КНЯЗЬ ПАВЕЛ

С князем Павлом сладу нету!
Comprenez vous, дело в том,
Что к статс-даме он в карету
Под сиденье влез тайком!

Не качайте головами!
Ведь беды особой нет,
Если было той статс-даме
Только... Только двадцать лет!

Это было в придворной карете
С князем Павлом в былые года...
Это было при Елизавете
И не будет уж вновь никогда!

И, прикрывши ножки тальмой,
Затряслась статс-дама: «Ой,
Сколь вы прытки, государь мой,
И сколь дерзостны со мной!»

Князь ей что-то тут невнятно
Прошептал... И стихло там!..
Ведь любовь весьма приятна
Даже... Даже для статс-дам!

И, взглянув на вещи прямо,
Поборов конфуз и страх,
Очень долго та статс-дама
Пребывала в облаках!

И у дома, спрыгнув на земь
С той заоблачной стези,
Нежно так простилась с князем
И промолвила: «Мерси».

Это было в придворной карете
С князем Павлом в былые года...
Это было при Елизавете
И не будет уж вновь никогда!

ГОЛУБАЯ ДАМА

В этот день, как огромный опал,
Было небо прозрачно... И некто,
В черный плащ запахнувшись, стоял
На мосту у Большого проспекта.

И к нему, проскользнув меж карет,
Словно выйдя из бархатной рамы,
Подошла, томно вскинув лорнет,
В голубом незнакомая дама.

Был на ней голубой кринолин
И была вся она голубою,
Как далекий аккорд клавесин,
Как апрельский туман над Невою.

«Государь мой, признайтесь: ведь вы
Тот вельможа, чей жребий так славен,
Князь Тавриды Потемкин?!» — «Увы,
Я всего только старый Державин!»

И, забыв о Фелице своей,
Сбросив с плеч тяготившие годы,
Старый мастер сверкнул перед ней
Всею мощью Державинской оды!

Но она, подобрав кринолин,
Вдаль ушла, чуть кивнув головою.
Как далекий аккорд клавесин,
Как апрельский туман над Невою.

ГРАФ КАЛИОСТРО

Колонный Эрмитажный зал
Привстал на цыпочках! И даже
Амуры влезли на портал!..
Сам император в Эрмитаже
Сегодня польку танцевал!
Князь N., почтен и сановит,
Своей супруге после танца
В кругу галантных волокит
Представил чинно иностранца,
Весьма приятного на вид:
«Граф Калиостро, розенкрейцер,
Наимудрейший из людей!
Единственный из европейцев
Алхимик, маг и чародей!»

Прошло полгода так... И вот,
Княгине князь промолвил остро:
«Вам надо бы продолжить род
Совсем не графа Калиостро,
Ну а как раз наоборот!»
Княгиня, голову склоня,
В ответ промолвила смиренно:
«Ах, не сердитесь на меня,
Я не виновна совершенно!..
Ну что ж могла поделать я?
Граф Калиостро — розенкрейцер
Наимудрейший из людей!
Единственный из европейцев
Алхимик, маг и чародей!»

СЛУЧАЙ НА ЛИТЕЙНОМ ПРОСПЕКТЕ

В тот вечер над Невою
Встал туман! И град Петра
Запахнулся с головою
В белый плащ из серебра.

И тотчас же, для начала,
С томным криком, вдалеке,
Поскользнулась и упала
Дама с мушкой на щеке.

На Литейном прямо, прямо
Возле третьего угла,
Там, где Пиковая дама,
По преданию, жила!

И в слезах, прождав немало,
Чтобы кто помог ей встать,
В огорченьи страшном стала
Дама ручками махать.

И на зов прекрасных ручек,
К ней со всех пустившись ног,
Некий гвардии поручик
Мигом даме встать помог!..

Что же дальше? Ах, избавьте!
Неизвестен нам финал.
Мы не видели... Представьте,
Нам... туман... там помешал...

Мы одно сказать лишь можем:
Был поручик очень мил!
И затем одним прохожим
Поцелуй услышан был!

На Литейном прямо, прямо
Возле третьего угла,
Там, где Пиковая дама,
По преданию, жила!

ДАМА ИЗ ЭРМИТАЖА

Ах, я устала так, что даже
Ушла, покинув царский бал!
Сам император в Эрмитаже
Со мной сегодня танцевал!

И мне до сей поры все мнится:
Блеск императорских погон
И комплимент императрицы,
И цесаревича поклон.

Ах, как мелькали там мундиры!
(Знай только головы кружи!)
Кавалергарды, кирасиры
И камергеры, и пажи!

Но больше, чем все кавалеры,
Меня волнует до сих пор
Неведомого офицера
Мне по плечам скользнувший взор!

И я ответила ему бы,
Но тут вот, в довершенье зол,
К нему, сжав вздрогнувшие губы,
Мой муж сейчас же подошел!..

Пардон! Вы, кажется, спросили
Кто муж мой? Как бы вам сказать...
В числе блистательных фамилий
Его, увы, нельзя назвать.

Но он в руках моих игрушка.
О нем слыхали вы? Иль нет?
Александр Сергеич Пушкин,
Камер-юнкер и поэт!..

ДАМА НА СВИДАНЬИ

Вы не видали господина,
Виновника сердечных мук?
На нем цилиндр и пелерина
И бледно-палевый сюртук.

Вот как зовут его? Не помню.
Вчера в Гостином у ворот
Без разрешения его мне
Представил просто сам Эрот!

Он подошел с поклоном низким,
Корректно сдержан a l'anglaise,
Тихонько передал записку,
Приподнял шляпу и — исчез!

Но где ж записка? Ради бога!
Ах, вот она! Лети, печаль!
Вот: «Николай Васильич Гоголь»
Вы не слыхали? Очень жаль!

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ах, как приятно в день весенний
Урвать часок на променад
И для галантных приключений
Зайти в веселый Летний сад.
Там, средь толпы жантильно-гибкой,
Всегда храня печальный вид,
С разочарованной улыбкой
Поручик Лермонтов стоит!

Ах, Санкт-Петербург, все в тебе очень странно,
Серебряно-призрачный город туманов...
Ах, Петербург, красавиц мушки,
Дворцы, каналы, Невский твой!
И Александр Сергеич Пушкин
У парапета над Невой!

А белой ночью, как нелепость,
Забывши день, всю ночь без сна
На Петропавловскую крепость
Глядеть из темного окна!
И, лишь запрут в Гостином лавки,
Несутся к небу до утра
Рыданье Лизы у Канавки
И топот Медного Петра!

Ах, Санкт-Петербург, все в тебе очень странно,
Серебряно-призрачный город туманов...
Ах, Петербург, красавиц мушки,
Дворцы, каналы, Невский твой!
И Александр Сергеич Пушкин
У парапета над Невой!

В ЛЕТНЕМ САДУ

Летний сад — приют старинный
В честь богини Афродиты,
Чья профессия, конечно,
Всем доподлинно известна.
Для галантных похождений
Здесь объектов лучший выбор,
Так что даже воздух пахнет
Не озоном, а духами...

С добросовестностью редкой
Дамы бешено играют
И глазами, и боками,
Помня принцип: «Время — деньги».
А мужчины, восседая
На скамейках вдоль аллеи,
Хирургически спокойно
Раздевают женщин взглядом...

Древнегреческой богине,
Наблюдающей все это,
Не по вкусу современность,
И брюзжит богиня желчно:
«Что за плоские остроты,
Что за плоские фигуры?!
О, Зевес, зачем так рано
Удалился ты в отставку?..»

И еще б, наверно, долго
Упражнялась в пессимизме
Эта мраморная дама,
Афродита из Эллады.
Да, наверно б, очень долго,
Если б некий мальчик камнем
Не попал богине ловко
По божественному носу...

ЗАЧАРОВАННАЯ

На Невском, в доме № 54,
На конторском стуле, как будто на троне,
Сидит барышня, единственная в мире,
И стучит на «Ремингтоне»...

Ах, ее глаза — два океана,
И всем садовникам назло
Белее лилий Иордана
Ее надменное чело
И гибкий стан,
Как будто колеблемый ветром фонтана!..

Вы напевней всех рифм, всех сравнений вы краше,
Перед вами все никнет, от страсти дрожа!..
О, принцесса, раскройте инкогнито ваше,
О, принцесса, куда вы услали пажа?

И зачем вы ушли из родимой земли?
Может быть, по примеру принцессы Тоскана,
Увлеклись вы не в меру усами цыгана?
И его полюбили в стиле нежных идиллий?

Или
Злая фея темной ночью,
Разорвав порфиру в клочья,
На крутой спине козла
Силой чар бесовских с трона
Прямо в лапы «Ремингтона»
Вас сюда перенесла?

Это было так давно...
Но
Где-то в стынущей печали,
Затаив на сердце боль,
Ждет вас, ждет вас в тронном зале
Ваш отец, седой король!..

Все эти варианты, что звучат так поэтично,
Я изложил ей лично,
Но она в это время рылась в каком-то прейскуранте
И ответила королевски кратко: «Отстаньте!»

СУДЬБА

В доме № 3, на Мойке,
В ателье шитья и кройки,
Жили-шили три девицы,
Три сестрицы-мастерицы:
Люба, Дуся
И Маруся
Звали их!..

Все швейцары в том квартале
С ними — спали...
В ателье шитья и кройки
В отношении морали
Вообще не очень стойки,
А тем более на Мойке.
Потому-то губы Любы
Были всем ужасно любы,
И от службы Афродите,
Извините,
Даже... вспухли!..

Этот образ жизни, впрочем,
Не в пример другим всем прочим,
Так же был во вкусе Дуси
И Маруси...

Так, покорны высшей силе,
В беззаботно-птичьем стиле,
Словно в клетке канарейки,
Три сестрички-белошвейки
Жили, шили и любили
В ателье шитья и кройки,
Что на Мойке.

Люба после инцидента
Недвусмысленного свойства
Тихо, мирно и практично
Вышла замуж за студента,
Проявившего геройство.

Дуся ж, молвивши скептично:
«Где уж нам уж
выйти замуж?..» —
Вышла сумрачно на Невский.

А Маруся на прогулке,
В Щербаковском переулке,
Шлейф влача по-королевски,
Вдруг запнулась, поскользнулась
И попала под мотор!

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ, 17-Я ЛИНИЯ

Вот раскрытое окошко...
И задумчиво сидит
В том окошке, рядом с кошкой,
Госпожа Агнесса Шмидт.
Где-то мерно бьет двенадцать...
И, взглянувши на чулки,
Стала тихо раздеваться
Госпожа Агнесса... И —
Ах, Агнессочка, Агнессочка!
Опустилась занавесочка!

Через миг, довольно резко,
Совершенно невзначай,
Вдруг поднялась занавесочка!..
Ай, Агнесса! Ай-яй-яй!
Рядом с ней, в любви неистов,
В совершенном забытьи
Господин судебный пристав
Страстно шепчет что-то... И —
Ах, Агнессочка, Агнессочка!
Опустилась занавесочка!

Через миг, ужасно резко,
Чьей-то гневною рукой
Вновь поднялась занавеска!
Ой, Агнесса! Ой-ой-ой!
Ах, как грустно! Ах, как жалко
Неудачников в любви!
Муж Агнессы с толстой палкой
К ним подходит быстро... И —
Ах, Агнессочка, Агнессочка!
Опустилась занавесочка!

В ДОМИКЕ НА ВВЕДЕНСКОЙ

У нее — зеленый капор
И такие же глаза.
У нее на сердце — прапор,
На колечке — бирюза!

Ну и что же тут такого?
Называется ж она
Марь Иванна Иванова
И живет уж издавна
В том домишке, что сутулится
На углу Введенской улицы,
Позади сгоревших бань,
Где под окнами — скамеечка,
А на окнах — канареечка
И — герань!

Я от зависти тоскую!
Боже правый, помоги!
Ах, какие поцелуи!
Ах, какие пироги!

Мы одно лишь тут заметим,
Что, по совести сказать,
Вместе с прапором-то этим
Хорошо бы побывать
В том домишке, что сутулится
На углу Введенской улицы,
Позади сгоревших бань,
Где под окнами — скамеечка,
А на окнах — канареечка
И — герань!

НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНЕ

Все это было в переулке
На Петербургской стороне,
Где все шаги чрезмерно гулки...
И в поэтической прогулке
Вы поболтать позвольте мне
О том, что было в переулке
На Петербургской стороне...

В том переулке был домишка,
Ну а в домишке том — она,
С полуразрезанною книжкой,
С тоской, вязаньем и Амишкой —
Майора некого жена!

Что может быть на свете горше
Судьбы скучающей майорши
На Петербургской стороне?
Майор! Майор! Но где майор же?
Майор воюет на войне!

Но вот коллежский регистратор
Встал перед нею «а genoux»
И, сделав под окном сперва тур,
В любви пылая, как экватор,
Прельстил майорову жену
Коллежский этот регистратор,
Пред нею вставши «а genoux».

Что ж? Кроме всяческих военных
Есть и гражданские чины!
И, не позоря чин военный,
Мы беспристрастно совершенно
Отметить все же тут должны,
Что кроме всяческих военных
Есть и гражданские чины!

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ КАНАЛ

Вы не бывали
На канале?
На погрузившемся в печаль
Екатерининском канале,
Где воды, тяжелее стали,
За двести лет бежать устали
И побегут опять едва ль...

Вы там, наверное, бывали?
А, не бывали?! Очень жаль!

Эрот в ночи однажды тайно
Над Петербургом пролетал
И уронил стрелу случайно
В Екатерининский канал.

Старик-канал в волненьи странном
Запенил, забурлил вокруг,
И вмиг Индийским океаном
Себя почувствовал он вдруг!

И, заплескавши тротуары,
Ревел, томился и вздыхал
О параллельной Мойке старый
Екатерининский канал.

Но Мойка — женщина. И, бойко
Решив любовные дела,
Ах!.. Крюкову каналу Мойка
Свое теченье отдала!

Ужасно ранит страсти жало!
И пожелтел там, на финале,
От козней Крюкова канала
Екатерининский канал!..

Вы не бывали на канале?
На погрузившемся в печаль
Екатерининском канале,
Где воды тяжелее стали,
За двести лет бежать устали
И побегут опять едва ль...

Вы там, наверное, бывали?
А, не бывали?! Очень жаль!

НА СТРЕЛКЕ

Ландо, коляски, лимузины,
Гербы, бумажники, безделки,
Брильянты, жемчуга, рубины —
К закату солнца — все на Стрелке!

Струит фонтанно в каждой даме
Аккорд Герленовских флаконов,
И веет тонкими духами
От зеленеющих газонов!

И в беспрерывном лабиринте
Гербов, камней и туалетов
Приподнимаются цилиндры
И гордо щурятся лорнеты.

И солнце, как эффект финальный,
Заходит с видом фатоватым
Для Петербурга специально —
Особо-огненным закатом!

ПРИНЦЕССА МОЛЬ

Ах, шум кулис извивно-узких!
Ах, закулисная фриволь!
Ах, блеск театров петербургских!
Все знаю я, принцесса Моль!

Я помню радостные миги,
Я помню преклоненный зал,
Когда бессмертный Каратыгин
Вдвоем с бессмертием играл!

И вижу я, как в медальоне,
Как только что ушедший сон:
Носок летающей Тальони
И четкий профиль Монбазон.

И сквозь столетие, доныне
Из глубины могильных плит
«La donna» юного Мазини
Еще в ушах моих звенит...

Но в вечность огненным закатом
Ушли былые времена...
И ныне, в девятьсот десятом,
Иные встали имена.

И, стариков своих не выдав,
Неколебимы средь толпы,
Варламов, Ходотов, Давыдов —
Александринские столпы...

Ах, Петербург, в борьбе с судьбою,
В глазах все небо затая,
Горит лампадой пред тобою
Комиссаржевская твоя!

То упадая, то взлетая,
С Невы на целый мир кругом
Сверкает Павлова 2-я
Алмазно-блещущим носком.

А Летний Буфф! Ах, в исступленьи
До Невского несется «бис»,
Когда там с Вяльцевой в «Елене»
Играет Северский-Парис.

Скороговорщиком затейным
Во всю резвится, второпях,
Курихин Федя на Литейном
В ста восемнадцати ролях!

Но чу... Часы!.. Как быстро осень
Спускает с неба вечера!
На Петропавловке бьет восемь
И мне в Мариинский пора!

Сейчас, как мухи на бисквит,
Все дамы там!.. Наперечет!
Ах, там ведь Собинов, поймите,
Сегодня Ленского поет!

В ПЯТЬ ЧАСОВ УТРА

Мой Бог, вот скука! Даже странно,
Какая серая судьба:
Все тот же завтрак у «Контана»,
Все тот же ужин у «Кюба»...
И каждой ночью, час от часа,
В «Крестовском», в «Буфф» и у «Родэ»
Одни и те же ананасы,
Одни и те же декольте!

В балете же тоска такая,
Что хоть святых вон выноси!..
Все та же Павлова 2-я,
Et voila! Et voici!..
Цыгане воют, как гиены,
И пьют, как тридцать два быка...
В Английском клубе неизменно
Тоска и бридж! Бридж и тоска!

И вообще нелепо-странно
Жить в этом худшем из веков,
Когда, представьте, рестораны
Открыты лишь до трех часов!
Едва-едва успел одеться, —
Уже, пожалте, спать пора...
И некуда гусару деться
Всего лишь в пять часов утра!

Гусар слезу крюшона вытер,
Одернул с сердцем рукава
И молвил вслух: «Проклятый Питер!
Шофер, езжай на острова!»

ДАМА В КАРЕТЕ

В Париж! В Париж! Как странно-сладко
Ты, сердце, в этот миг стучишь...
Прощайте, невские туманы,
Нева и Петр! В Париж! В Париж!

Там дым всемирного угара,
Rue de la Paix, Grande Opera,
Вином залитые бульвары
И карнавалы до утра!

Париж — любовная химера!
Все пало пред тобой уже!
Париж Бальзака и Бодлера,
Париж Дюма и Беранже!

Париж кокоток и абсента,
Париж застывших Луврских ниш,
Париж Коммуны и Конвента
И — всех Людовиков Париж!

Париж бурлящего Монмартра,
Париж Верленовских стихов,
Париж штандартов Бонапарта,
Париж семнадцати веков!

И тянет в страсти неустанной
К тебе весь мир уста свои,
Париж Гюи де Мопассана,
Париж смеющейся любви!

И я везу туда немало
Добра в фамильных сундуках:
И слитки золота с Урала,
И перстни в дедовских камнях!

Пускай Париж там подивится,
Своих франтих расшевеля,
На чернобурую лисицу,
На горностай и соболя!

Но еду все ж с тоской в душе я!
Дороже мне поклажи всей
Вот эта ладанка на шее!
В ней горсть родной земли моей!

Ах, и в аллеях Люксембурга,
И в шуме ресторанных зал —
Туманный призрак Петербурга
Передо мной везде стоял!

Пусть он невидим! Пусть далек он!
Но в грохоте парижских дней
Всегда, как в медальоне локон,
Санкт-Петербург — в душе моей!

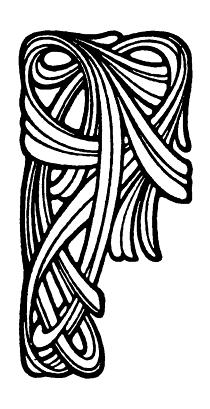
ПЕТР ПЕРВЫЙ

Москва и Киев задрожали,
Когда Петр, в треске финских скал,
Ногой из золота и стали
Болото Невское попрал!

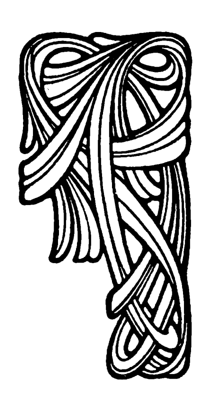
И взвыли плети... И в два счета —
Движеньем царской длани вдруг
Из грязи невского болота
Взлетел ампирный Петербург.

И до сих пор, напружив спины,
На спинах держат град старинный
Сто тысяч мертвых костяков
Безвестных русских мужиков!..

И вот, теперь, через столетья,
Из-под земли, припомнив плети,
Ты слышишь, Петр, как в эти дни
Тебе аукают они?!

Часть десятая

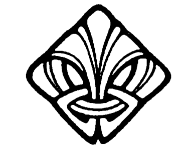

Гранитный призрак

В моем изгнаньи бесконечном
Я видел все, чем мир дивит:
От башни Эйфеля до вечных
Легендно-звонких пирамид.

И вот «на ты» я с целым миром!..
И, оглядевши все вокруг,
Пишу расплавленным ампиром
На диске солнца: «Петербург».

ВДАЛИ ОТ ТЕБЯ, ПЕТЕРБУРГ (1)

Разбросано много,
Дорога в дорогу,
По миру стран всяких вокруг...
Но все эти страны
Так чужды и странны
Вдали от тебя, Петербург!

Пусть звезды там краше,
Пусть солнце там пляшет,
И пусть золотится бамбук...
Черны, как погосты,
Все солнца и звезды
Вдали от тебя, Петербург!

И хоть вечно тут он
Туманом закутан,
Но в солнце нездешнем — ах, вдруг —
Так сердцу желанны
Волокна тумана
Вдали от тебя, Петербург!

И в ниццкой аллее
Мне дождь твой милее.
И хочется питерских вьюг.
И нету покоя
Плененным тобою
Вдали от тебя, Петербург!

ВДАЛИ ОТ ТЕБЯ, ПЕТЕРБУРГ (2)

Ужель в скитаниях по миру
Вас не пронзит ни разу, вдруг,
Молниеносною рапирой
Стальное слово «Петербург»?

Ужели Пушкин, Достоевский,
Дворцов застывший плац-парад,
Нева, Мильонная и Невский
Вам ничего не говорят?

А трон Российской Клеопатры
В твоем саду?.. И супротив
Александринского театра
Непоколебленный массив?

Ужель неведомы вам даже
Фасад Казанских колоннад,
Кариатиды Эрмитажа,
Взлетевший Петр и Летний сад?

Ужели вы не проезжали
В немного странной вышине
На старомодном «империале»
По Петербургской стороне?

Ужель из рюмок тонко-узких
Цедя зеленый «Пиперментъ»,
К ногам красавиц петербургских
Вы не бросали комплимент?

А непреклонно-раздраженный
Заводов выборгских гудок?
А белый ужин у «Донона»?
А «доминикский» пирожок?

А разноцветные цыгане
На Черной речке, за мостом,
Когда в предутреннем тумане
Все кувыркается вверх дном...

Когда моторов вереница
Летит, дрожа, на Острова,
Когда так сладостно кружится
От «Редерера» голова...

Ужели вас рукою страстной
Не молодил на сотню лет
На первомайской сходке красный
Бурлящий университет?

Ужель мечтательная Шура
Не оставляла у окна
Вам краткий адрес для Амура:
«В. О. 7 л. д. 20-а»?

Ужели вы не любовались
На сфинксов фивскую чету?
Ужели вы не целовались
На Поцелуевом мосту?

Ужели белой ночью в мае
Вы не бродили у Невы?
Я ничего не понимаю!
Мой Боже, как несчастны вы!..

ГРАНИТНЫЙ БАРИН

Париж, Нью-Йорк, Берлин и Лондон!
Какой аккорд! Но пусть их, рок!
Всем четырем один шаблон дан,
Один и тот же котелок!

Ревут моторы, люди, стены,
Гудки, витрины, провода...
И, обалдевши совершенно,
По крышам лупят поезда!

От санкюлотов до бомонда,
В одном порыве вековом,
Париж, Нью-Йорк, Берлин и Лондон
Несутся вскачь за пятаком...

И в этой сутолке всемирной
Один на целый мир вокруг
Брезгливо поднял бровь ампирный
Гранитный барин Петербург!

СТРАННЫЙ ГОРОД

Санкт-Петербург — гранитный город,
Взнесенный Словом над Невой,
Где небосвод давно распорот
Адмиралтейскою иглой!

Как явь, вплелись в твои туманы
Виденья двухсотлетних снов,
О, самый призрачный и странный
Из всех российских городов!

Недаром Пушкин и Растрелли,
Сверкнувши молнией в веках,
Так титанически воспели
Тебя — в граните и в стихах!

И майской ночью в белом дыме,
И в завываньи зимних пург
Ты всех прекрасней — несравнимый
Блистательный Санкт-Петербург!

ВЫ ПОМНИТЕ БЫЛЫЕ ДНИ...

Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?!
Как были праздничны они
Над петербургскою Невою!

Вы помните, как ночью, вдруг,
Взметнулись красные зарницы
И утром вдел Санкт-Петербург
Гвоздику юности в петлицу?..

Ах, кто мог знать, глядя в тот раз
На двухсотлетнего гиганта,
Что бьет его последний час
На Петропавловских курантах...

И вот иные дни пришли!
И для изгнанников дни эти
Идут вдали от их земли
Тяжелой поступью столетий...

Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?
Как были праздничны они
Над петербургскою Невою!

Вы помните иглистый шпиц,
Что Пушкин пел так небывало?
И пышность бронзовых страниц
На вековечных пьедесталах?

И ту гранитную скалу,
Где Всадник взвился у обрыва,
И вдаль летящую стрелу
Звенящей Невской перспективы;

И красок вечный карнавал
В картинных рамах Эрмитажа,
И электрический скандал
Часов «Омега» над Пассажем;

И толщ Исакиевских колонн,
И разметенные по свету
«Биржевку», «Речь», «Сатирикон»
И «Петербургскую газету»;

И вздох любви нежданных встреч
На площадях, в садах и скверах,
И блеск открытых дамских плеч
На вернисажах и премьерах;

И чьи-то пряные уста,
И поцелуи в чьем-то взоре
У разведенного моста
На ожидающем моторе...

Вы помните про те года
Угасшей жизни петербургской?
Вы помните! Никто тогда
Вас не корил тем, что вы русский.

И, белым облаком скользя,
Встает все то в душе тревожной,
Чего вернуть, увы, нельзя,
И позабыть что невозможно!..

ТРИПТИХ

Кулебяка «Доминика»,
Пирожок из «Квисисаны»,
«Соловьевский» бутерброд...
Вот триптих немного дикий,
Вот триптих немного странный,
Так и прыгающий в рот!..

Каждый полдень, хмуря лики,
Предо мною из тумана
Трое призраков встают:
Кулебяка «Доминика»,
Пирожок из «Квисисаны»,
«Соловьевский» бутерброд...

ЧЕТЫРЕ

«Кюба», «Контан», «Медведь», «Донон»,
Чьи имена в шампанской пене
Взлетели в невский небосклон
В своем сверкающем сплетеньи!

Ужель им больше не звенеть?!
Ужель не вспенят, как бывало,
«Кюба», «Контан», «Донон», «Медведь»
Свои разбитые бокалы?!

Пусть филистерская толпа
Пожмет плечами возмущенно,
Нет Петербурга без «Кюба»,
Нет Петербурга без «Донона».

БУКЕТ ОТ «ЭЙЛЕРСА»

Букет от «Эйлерса»! Вы слышите мотив
Двух этих слов, увы, так отзвеневших скоро?
Букет от «Эйлерса», того, что супротив
Многоколонного Казанского собора!..

И помню я: еще совсем не так давно,
Ты помнишь, мой букет? Как в белом, белом зале
На тумбочке резной у старого панно
Стоял ты в хрустале на Крюковом канале?

Сверкала на окне узоров льдистых вязь,
Звенел гул санного искрящегося бега,
И падал весело декабрьский снег, кружась.
Букет от «Эйлерса» ведь не боялся снега...

Но в три дня над Невой столетье пронеслось.
Теперь не до цветов! И от всего букета,
Как срезанная прядь от дорогих волос,
Остался лишь цветок засушенный вот этот!

Букет от «Эйлерса» давно уже засох...
И для меня теперь в рыдающем изгнаньи
В засушенном цветке дрожит последний вздох
Санкт-петербургских дней, растаявших в тумане.

Букет от «Эйлерса»! Вы слышите мотив
Двух этих слов, увы, так отзвеневших скоро?
Букет от «Эйлерса», того, что супротив
Многоколонного Казанского собора...

КОРОБКА СПИЧЕК

Как вздрогнул мозг, как сердце сжалось!
Весь день без слов, вся ночь без сна!
Сегодня в руки мне попалась
Коробка спичек «Лапшина»...

Ах, сердце — раб былых привычек!
И перед ним виденьем, вдруг,
Из маленькой коробки спичек
Встал весь гигантский Петербург:

Исакий, Петр, Нева, Крестовский,
Стозвонно-плещущий Пассаж,
И плавный Каменноостровский,
И баснословный Эрмитаж...

И первой радости зарницы,
И грусти первая слеза,
И чьи-то длинные ресницы,
И чьи-то серые глаза...

Поймете ль вы, чужие страны,
Меня в безумии моем?..
Ведь это юность из тумана
Мне машет белым рукавом!..

Последним шепотом привета
От Петербурга лишь одна
Осталась мне всего лишь эта
Коробка спичек «Лапшина»...

В АРХИПЕЛАГЕ

Под сенью греческого флага,
Болтая с капитаном Костой,
Средь островов Архипелага
Мне вспомнился Елагин остров!
Тот самый сухопутный остров,
Куда без всяких виз французских
Вас отвозил легко и просто
Любой извозчик петербургский...

И в летний день, цветами пестрый,
И в индевеющие пурги
Цвети, цвети, Елагин остров,
Цветок в петлице Петербурга!

«ПЛАН ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА»

В Константинополе у турка
Валялся, порван и загажен,
«План города С.-Петербурга»
(«В квадратном дюйме 300 сажень».)
И вздрогнули воспоминанья...
И замер шаг... И взор мой влажен...
В моей тоске, как и на плане:
«В квадратном дюйме 300 сажень...»

ГРАНИТНЫЙ ПРИЗРАК

Как бьется сердце! И в печали,
На миг былое возвратив,
Передо мной взлетают дали
Санкт-петербургских перспектив!

И, перерезавши кварталы,
Всплывают вдруг из темноты
Санкт-петербургские каналы,
Санкт-петербургские мосты.

И, опершись на колоннады,
Встают незыблемой чредой
Дворцов гранитные громады
Над потемневшею Невой.

Звенят проспекты и бульвары,
И в бесконечности ночей
На влажных плитах тротуара
Дробится отсвет фонарей...

Пусть апельсинные аллеи
Лучистым золотом горят,
Мне петербургский дождь милее,
Чем солнце тысячи Гренад!

Пусть клонит голову все ниже,
Но ни друзьям и ни врагам
За все Нью-Йорки и Парижи
Одной березки не отдам!

Что мне Париж, раз он не русский?!
Ах, для меня под дождь и град
На каждой тумбе петербургской
Цветет шампанский виноград!

И, застилая все живое,
Туманом невским перевит,
Санкт-Петербург передо мною
Гранитным призраком стоит!..

КОГДА ГОЛОДАЕТ ГРАНИТ...

Был день и час, когда уныло
Вмешавшись в шумную толпу,
Краюшка хлеба погрозила
Александрийскому столпу!

Как хохотали переулки,
Проспекты, улицы!.. И вдруг
Пред трехкопеечною булкой
Склонился ниц Санкт-Петербург!

И в звоне утреннего часа
Скрежещет лязг голодных плит!..
И вот от голода — затрясся
Елизаветинский гранит!

Вздохнули старые палаццо...
И, потоптавшись у колонн,
Пошел на Невский — продаваться
Весь блеск прадедовских времен.

И сразу сгорбились фасады...
И, стиснув зубы, над Невой
Восьмиэтажные громады
Стоят с протянутой рукой.

Ах, Петербург, как страшно-просто
Подходят дни твои к концу!
Подайте Троицкому мосту,
Подайте Зимнему Дворцу!..

ДЕДУШКА И ВНУЧКИ

— Пришли к вам, дедушка, с поклоном,
Не прогоните нас опять!
Ведь сказку новую давно нам
Вы обещали рассказать...
— Эх, эта сказочка — плохая...
Ну вот.. Жила-была одна Аленушка...
— А кто такая?
— Аленушкой звалась она!
Была она стройнее клена,
Березка белая — душа!
— А хороша была Алена?
— Да, детки, очень хороша!
Но вот зимой метель завыла,
Алену снегом занесло.
— И тяжело ей очень было?
— Да, детки, очень тяжело!
— Ах, дедушка, но отчего же
Никто Алене не поможет?
— Тсс, внучки, что вы там опять?
О том еще вам рано знать!

— Ну вот, опять дед нос повесил...
Он плачет? Что такое с ним?
— Эх, черт возьми, и я был весел,
Тогда, когда был молодым!
Бывало, в Питере, мне вторя,
Весь факультет наш хохотал!..
Ах, сколько знал моих историй
Екатерининский канал!..
А сколько раз мы на канале
Встречали утренний рассвет...
— А разве ночью не стреляли?
— Представьте, деточки, что нет!
А на балах, всю ночь на славу
Кружа меж дам прокатный фрак,
Я и налево, и направо,
И так, и эдак, и вот так!..
— Ах, дед, а вам-то после бала
От бабушки не попадало?

— Тсс, внучки! Что вы там опять?
О том еще вам рано знать!
Как странно-гулок спозаранку
На Моховой копытный стук!
Вот Петр, вот Невский, вот Фонтанка...
И мой студенческий сюртук!..
Пусть песня невская пропета,
Но до сих пор в душе живы:
И гомон университета,
И тихий дальней плеск Невы...
— Вы, дед, взгрустнули не на шутку!
Ах, дед, что с вами стало вдруг?
— Ах, если бы хоть на минутку
Увидеть снова Петербург!
Пусть на чужбине — небо сине,
Пусть на чужбине — жизнь красна,
И хорошо пусть на чужбине,
Да все ж чужбина ведь она!
— А почему из заграницы
Нам в Петербург не возвратиться?!
— Тсс, внучки! Что вы там опять?!
О том еще вам рано знать!»

НЕИЗВЕСТНЫЙ МНЕ ГОЛЛАНДЕЦ

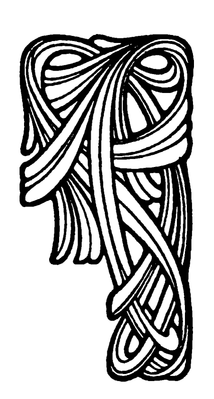
Неизвестный мне голландец,
Уходя из ресторана,
Пожелал мне доброй ночи
На голландском языке...
Эх ты, жизнь моя! Когда же
Наконец не на чужбине
Кто-то русский вдруг по-русски
«С добрым утром» скажет мне?..

СНОВА В ПЕТЕРБУРГЕ

Прощайте, немцы, греки, турки,
И здравствуй, русская земля!
В своем я снова Петербурге,
Я снова русский! Снова — я!
Еще вчера я был не русским!
И, запахнувшись в черный дым,
Гранитный воздух петербургский
Еще вчера был не моим!
Сегодня ж, странный и бессонный,
Брожу по невской мостовой
И с Александровской колонной
Взлетевшей чокаюсь мечтой!
И в небо Питера, бледнея,
Уходит беженский угар...
И вновь я рифмою своею
Целую невский тротуар!..

Часть одиннадцатая

Лукошко СССР

НАШЕ ЛУКОШКО СССР

В нашем лукошке —
И горы, и мошки!
Всего понемножку,
На всякий манер!
Зовется лукошко — СССР.

А
В нем
В одном,
В том
СССР'е таком:
Сгрудились крепко гуртом
В связке союзной, как бублики,
Двадцать три республики!

Эй вы, союзные воды и горы,
Эй вы, советские глади-просторы,
Земли, различные видом и кличкой,
Эй, выходите-ка на перекличку!

Пашни! Заводы! Леса и поля!
Широкогрудая наша земля!
Версты, как дюймы! Просторы без мер —
РСФСР.

Шерстью курчавою отягчена,
Зыблется даль океаном руна!
Переливается им через край —
Башкирский край!

С гордой спокойной улыбкой титана
Недра напружив, шеренгой фонтанной
Шлет на весь мир нефтяной ураган —
Азербайджан!

Мехом и золотом, далью далекой,
Туго набит сундучище Востока,
До стен Китая разлегшийся вширь, —
Сибирь!

С края до края земля золотится
Скирдами — солнцами щедрой пшеницы!
В песнях и вишнях сады и долины —
Украина!

Крепкий! Большой! Молодой!
Желто-цветный!
С Желтого моря обрызган приветно
Пеной сырых океанских дорог —
Дальний Восток!

Взяв у природы одна все цвета,
Солнцем и сладостью вся налита,
Словно упавшая с дерева слива, —
Хорезм — Хива!

Кирки и заступы носятся в мах там
По крепкогрудым напрягшимся шахтам!
Углем своим сдвинет землю всю враз —
Донбасс!

С ясной улыбкой, тиха и бледна,
Светится белых берез белизна...
Словно в молочник попал невзначай —
Карельский край!

Грозный! Певучий! Радушный! Кипящий!
Бурный! Кинжальный! Орлиный! Звенящий!
В звездах казбекской папахой завяз —
Кавказ!

Вьются курчавые черные волосы,
Вьются курчавые хлебные полосы...
И неизвестно, что будет курчавее? —
Молдавия!

Треснувшись с маху башкой в небосклон,
Важно расселся на золоте он!
Ну-ка! Эй, золотом в небо поддай —
Алтай!

Пригоршней полной с размаха накиданы
Доверху груды диковин невиданных

Под расточительным небом твоим —
Крым!

Если б земля вдруг на части разбилась,
Десять бы Франций в тебе поместилось,
Как десять девочек в детском приюте —
Якутия!

Под запыхавшимся небом Востока
В звонкую даль разостлался широко
Шелковой тканью сплошного ковра —
Узбекистан—Бухара!

В шубу бобровую кутаясь там,
Машет тюленям, моржам и китам
С берега белой медвежьей перчаткой —
Камчатка!

Край, занавешенный песенной дымкой,
Всласть погулявший со Стенькой в обнимку!
Всем нашим песням земель всех дороже —
Поволжье!

Кто там в злорадстве орет оголтело,
Что, мол, в Союзе земля оскудела?!
Хлебом заткнет вмиг любую гортань —
Кубань!

Кровью над ней отмечались все годы!
Кровью над ней пронеслись непогоды!
Кровью пролитой всех стран драгоценнее —
Армения!

Тропы звериные, лес да болота...
Эй, вылезайте-ка к нам на охоту!
Волки здесь бродят, как по двору гуси, —
Белоруссия!

Кони и степи, летящие в мах!
Мечутся гривы на буйных конях!
Эй, в небосклон на киргизке катай —
Киргизский край!

Кровью-рудою от века согретый,
Перебирая свои самоцветы,
В небо уперся, напрягся и стал —
Урал!

Горная песня, обнявшись с зурною,
Вьется в тиши с виноградной лозою.
Кто тебя краше в Советском Союзе —
Грузия?

В нашем лукошке
И горы, и мошки.
Всего понемножку,
На всякий манер!
Зовется лукошко —
СССР.

ТРАМВАЙ «А»

Давайте-ка устроим чистку
Средь коломбин и апашей!
Ведь наши замы и модистки,
Кассиры и пиш-машинистки
В любви тех будут не глупей!
Давайте же устроим чистку
Средь коломбин и апашей!

Она — кассирша в Спичка-тресте
А он — врид-зам-пом-пом-пом-зам!
Все началось с того, что вместе,
Под вопль кондукторский: «Не лезьте!»
Бочком пролезли все же в трам:
Она — кассирша в Спичка-тресте
И он — врид-зам-пом-пом-пом-зам!

В своих движеньях эксцентричен
Трамвай маршрута буквы «А»!
И очутились механично
Они в объятьях романтичных
От двадцать третьего толчка!
В своих движеньях эксцентричен
Трамвай маршрута буквы «А»!

Когда-то были купидоны,
Теперь их замом стал трамвай!
И перед ними благосклонно —
Через неделю, по закону —
Открылся загса тихий рай...
Когда-то были купидоны,
Теперь их замом стал трамвай!

И дети их снимали кепки
Перед трамваем с буквой «А»,
И, факт рожденья помня крепко,
Махали долго вслед прицепке!
И с благодарностью всегда
Детишки их снимали кепки
Перед трамваем с буквой «А»!

ГРУЗОВИК № 1317

Весь машинный свой век, каждый день по утрам
Волоча свои старые шины,
По брезгливым гранитным колонным домам
Развозил он шампанские вина!
И глотали в свои погреба-животы
Эти вина по бочкам с присеста
Их раскрытые настежь гранитные рты —
Обожженные жаждой подъезды.
И гудя, и шумя,
И кряхтя, и гремя,
Весь свой век должен был по подъездам таскаться
Грузовик № 1317.

Но однажды наутро у этих домов
Были начисто выбиты стекла!
И панель вокруг них вглубь на много шагов
От вина и от крови промокла!
Эй, подвалы, чья доля лежит издавна
Под любым каблуком на паркете,
Выходите на Невский — ломать времена!
Выходите — шагать по столетьям!
И гудя, и шумя,
И кряхтя, и гремя,
Покатил за свободу по улицам драться
Грузовик № 1317.

Но открылись фронты! И, услышав сигнал,
Он увесисто и кривобоко
Наступал, отступал и опять наступал
От Варшавы до Владивостока.
И ходил он, насупившись издалека,
На деникинские аксельбанты,
На тачанки Махно, на штыки Колчака
И на хмурые танки Антанты!
И гудя, и шумя,
И кряхтя, и гремя,
Второпях во весь мах по фронтам стал шататься
Грузовик № 1317.

На поля неостывших побед из нутра
Отощавшей земли вылез голод!
И наотмашь схватил от двора до двора
Города и деревни за ворот!
И, шагая по смятой Руси напролом
Уходящими в землю шагами,
Из лукошка Поволжья кругом, как зерном,
Он засеял поля костяками!
И гудя, и шумя,
И кряхтя, и гремя,
С воблой тут по Руси, как шальной, стал мотаться
Грузовик № 1317.

Поднатужились нивы в России! И вот:
По Москве он в день Первого мая,
Запыхавшись от новых нежданных хлопот,
Октябрят полным ходом катает!
Октябрята на нем — воробьев веселей!
Не желают слезать добровольно!
И машиною, новою нянькой своей,
Октябрята ужасно довольны!
И гудя, и шумя,
И кряхтя, и гремя,
С октябрятами нянькой решил впредь остаться
Грузовик № 1317.

КИРПИЧНАЯ ПЕСЕНКА

Собою невелички,
Знай, маялись в пыли,
Кирпичики, кирпичики,
Кирпичики мои...
И господа из города
В перчаточках своих
Презрительно и гордо
Ворочались от них!..
И долго от обидчиков
Кряхтели, как могли,
Кирпичики, кирпичики,
Кирпичики мои...

Но вот сердит стал с виду
Простой народ! И глядь:
Обидчикам обиды
Вдруг стал припоминать!
Озлившись, в день осенний
Взъерошились штыки,
И на дворцы с гуденьем
Пошли грузовики!
И в головы обидчиков
Летали, как могли,
Кирпичики, кирпичики,
Кирпичики мои!

А после всех событий
Народ к ним шасть опять:
«Кирпичики, идите
Домишки нам латать!»
И с края и до края
На всяческий манер
Кирпичики латают,
Кряхтя, СССР.
Собою невелички,
Да умницы они:
Кирпичики, кирпичики,
Кирпичики мои!..

КЕПКА

Кепка! Простецкая кепка!
На миллионы голов
Влезла ты с маху! И крепко
Села цилиндрам назло!
Видел весь мир, изумленно
Ахнувши из-за угла,
Как трехсотлетней короне
Кепка по шапке дала!

И, набекрень съехав малость
От передряг, во весь мах
Долго и крепко ты дралась
На разъяренных фронтах!
И, без патрон и без хлеба,
Лбом защищая Москву,
Нет такой станции, где бы
Ты не валялась в тифу!

От Чухломы до Урала
В морду былому житью
Это не ты ли орала
Новую правду свою?!
И на фронтах, и на Пресне,
Мчась по столетьям в карьер,
В небо горланила песни,
Славя свой СССР.

Ну-ка, вот в той перебранке,
Той небывалой порой
От револьвера до танка
Кто не сшибался с тобой?
Но, поднатужась до пота,
Все же, к двадцатым годам,
Даже антантным дредноутам
Кепка дала по шеям!

Бешены были те годы!
И на всех митингах ты
С дьяволом, с богом, с природой
Спорила до хрипоты!

И, за голодных индусов
Кроя Керзона весьма,
В это же время со вкусом
Воблу жевала сама!

Кончились годы нахрапа!
И на весь мир ты глядишь!
Перед тобой сняли шляпы
Лондон, Берлин и Париж!
Кепка! Простецкая Кепка!
Средь мировой бедноты
Медленно, тяжко, но крепко
Ставишь свои ты посты!

Кепка! Простецкая кепка!
Вот что наделала ты!

ВИНТИК-ШПУНТИК

Вот-вот! Вот-вот!
С грохотаньем и гуденьем,
Со стальным машинным пеньем,
Вот —
Работает завод!
За-вод! За-вод!
Вот!

Прямо:
Всем машинам — мама,
Поднатужась во весь дух,
Крутит, вертит всех динамо!
«Ух-ух! Ух-ух! Ух-ух!
Ух!»

Рядом, с края,
Громыхает
Старик-
Маховик
И подталкивает всех:
«Эх-эх! Эх-эх! Эх-эх!
Эх!»

«Не забудьте и меня!
Не какая-нибудь я!
А я —
Шестерня!
Я — сознательная!»

А в сторонке:
Тонки,
Звонки,
Знай, хлопочут вперегонки
И форсунки, и масленки
Второпях,
Впопыхах:
«Ах-ах! Ах-ах! Ах-ах!
Ах!»

И совсем в сторонке, с края,
Молчаливо исполняет
Скромный долг машинный свой
Винтик-Шпунтик! Вот такой:
Ма-лю-сень-кой!

Вот-вот! Вот-вот!
Так работал целый год
Тот
Завод!
Только вот
Выбирали раз когда-то
Там куда-то
Делегата!
И тут каждый замолол:
«Я-то! Я-то! Я-то! Я-то!
Я-то!
Всех умнее, мол!»

Ну а Винтику меж тем
Слова не дали совсем!
Мол, не стоит вовсе, братцы,
С мелочью такой считаться!
Был, как видно, это вот
Несознательный завод!

Винтик-Шпунтик оттого,
Что обидели его,
Не сердился,
Не бранился,
Не показывал кулак,
А сказал всего:
«Ах так?!»
И — под мышку
Взяв трудкнижку
И надвинув крепко
Кепку,
Поклонился и ушел!
До свиданья, мол!

На другой день, лишь гудок,
Разбудивши всех, замолк,
Все машины, как всегда,

И туда,
И сюда —
Заметались,
Замотались!..
И во весь машинный мах —
Тах-тах! Тах-тах! Тах-тах!
Тах!
От хлопот
И забот
Прямо — пот
Так и льет!
А завод,
Вот ведь вот —
И ни взад, и ни вперед!

В чем же дело? В чем секрет?
Глядь, а Винтика-то — нет!
Хоть и маленький, а все ж
Где такой
Второй
Найдешь?!
Без него ж
Прямо — нож!
Ну никак не проживешь!

И пошли тогда с повинной
На дом к Винтику машины!
Все — большие,
Вот такие!
На шпунтах,
На винтах,
Прямо — страх!

И с почтительным поклоном,
Чуть не вывернувши спин,
Прошептали все смущенно:
«Извините, гражданин!»

Винтик-Шпутник звякнул,
Крякнул,
Гайками в кармане брякнул,
Кепку на голову шмякнул
И, собравшись на работу,
Им сказал в полоборота:
«Ну вот то-то!»

СЛУЧАЙ С ОДНИМ ПРИМУСОМ

Примус очень
Озабочен,
Чем-то болен,
Недоволен,
Ненормален
И печален,
Хоть он Примус первый сорт!
«Ах, я с горя в печку кинусь,
Ринусь,
Кинусь,
Опрокинусь!
Отчего я только Примус,
А не «Форд»?!

Справедливо разве это:
Чтобы «Форд» гонял по свету,
Я же — жарил бы котлеты?
По каким
Таким
Причинам
Должен я страдать безвинно?
Он — машина,
Я — машина!
Он — с бензином,
Я — с бензином!
В чем же дело здесь тогда?
А?!»

Думал, думал
И придумал:
«Дай, к Калинину пойду, мол!
Если ты над всеми староста,
Разберись и тут, пожалуйста!»

Разъяснять всем всё повинен,
Отвечал ему Калинин
Под конец:
«Ты, товарищ,
Жаришь,

Варишь,
В этом деле ты и спец!
Но, хоть с виду «Форды» краше
И у них достоинств куча,
Без твоих же щей и каши
На моторе самом лучшем,
Хоть им ездить и легко,
Не уедешь далеко!
Понял?» —
«Понял!»
И с кряхтеньем,
С тарахтеньем,
Разъясненьем
Тем смущен,
Почесал горелку он...
И пропшикал на прощанье:
«До свиданья!»

КООП-ЛАРЕК

Из пары старых досок
Родив себя, как мог,
Стоит на перекрестке
Цветной кооп-ларек...

В нем что угодно купишь
В два счета! Он такой:
По виду — словно кукиш,
Но очень деловой!

Заморские базары,
Крича издалека,
Шлют разные товары
Для этого ларька.

Берлин, Варшава, Вена
И Ява, и Кантон
Торгуются степенно
С цветным кооп-ларьком!

И тут на перекрестке
От дел таких слегка
Потрескивают доски
Советского ларька...

И вспоминают, тужась,
Как восемь лет назад
Они лежали тут же
На баррикадах в ряд!

ГОРОДИШКО НА ДНЕПРЕ

Обхватив свои домишки,
Благородно при царе
Жил кургузый городишко,
Городишко на Днепре.
Жил он мирно! Жил он чинно!
Жарил в винт и в преферанс!
Пил настойку из рябины
И раскладывал пасьянс.
Так и прожил век без лишка,
Словно крот в своей норе,
Тот кургузый городишко,
Городишко на Днепре...

Но однажды, от брошюрок
Разведя сплошную рябь,
Люди в кожаных тужурках
Принесли ему Октябрь.
Городишко очень косо
Встретил кепку Октября
И сказал, шмыгнувши носом:
«Совершенно это зря!»
И спокойно на задвижки
Запер двери в Октябре
Тот кургузый городишко,
Городишко на Днепре.

Левой! Правой! Левой! Правой!
И опять весенним днем
Городишкины заставы
Засветились от погон!
Затрещала штукатурка!
Пули в стены — хлоп да хлоп!
Люди в кожаных тужурках
Отступали, хмуря лоб...
И, напяливши манишку,
Приложился к просфоре
Тот кургузый городишко,
Городишко на Днепре...

Были встречи, водосвятья,
Колокольный перезвон,
Поцелуи и объятья!
А потом — слегка погром!
Городишко стал чесаться...

И, склонясь смиренно ниц,
Заявил: «Позвольте, братцы!»
Но ему сказали: «Цыц!»
И, пощупывая шишки,
Спать улегся на дворе
Тот кургузый городишко,
Городишко на Днепре...

А затем — все с новым пылом
В день раз пять — за ратью рать
Приходила, уходила,
Била морды! И — опять!
Гайдамаки и поляки
Тоже там исподтишка
Долго мяли в общей драке
Городишкины бока!..
И, сказав себе: «Ну, крышка»,
Заскулил на пустыре
Тот кургузый городишко,
Городишко на Днепре...

Глядь-поглядь: с пучком брошюрок,
Словно впрямь из-под земли,
Люди в кожаных тужурках
В городишко вновь пришли!
И упрямыми руками
Повернувшись к верстаку,
Залатали кирпичами
Городишкину тоску!
И, собрав свои домишки,
Отдышался во дворе
Тот кургузый городишко,
Городишко на Днепре.

А теперь — за панибрата
Он как есть со всей землей!
Так, что даже сам экватор
Для него — сосед простой!
Кипятится! Суетится!
И по радио чуть свет
Посылает за границу
То протесты, то привет!
Эй, кирпичный мой братишка,
Дуй! Кипи в своей дыре!
Эх, братишка-городишко,
Городишко на Днепре!

МОССЕЛЬПРОМЩИЦА №... (НЕ ЗНАЮ!)

Коммерчески спокоен,
В панель упрямо врос
Промышленной ногою
Лоток для папирос!
И, с жаром расширяя
Промышленность, втроем
Перед клиентом с края
Склонились над лотком:
Прядь упрямая, плюс
Моссельпромский картуз,
А под ним — деловая
Такая
Моссельпромщица №... (не знаю!)

Но кроме всяких «Пери»
И прочих папирос
Ведь есть в СССР'е
Еще и — Наркомпрос!
И ночью, совершенно
Забыв про Моссельпром,
Над книгою толщенной
Склоняются втроем:
Прядь упрямая, плюс
Моссельпромский картуз,
А под ним — деловая
Такая
Моссельпромщица №... (не знаю!)

Пожалуй, вы поймете,
Что так всю жизнь сполна
Учебе да работе она обречена?!
Она — не морс в стакане!
У ней кровь бьет ключом!
И часто на свиданье
Бегут стремглав втроем:
Прядь упрямая, плюс
Моссельпромский картуз,
А под ним — деловая
Такая
Моссельпромщица №... (не знаю!)

ЧАСТЬ ПОСЛЕДНЯЯ

СМЕРТЬ ПОЭТА

Знайте: как-то, когда-то и где-то
Одинокий поэт жил да был...
И всю жизнь свою, как все поэты,
Он писал, пил вино и любил.

Обогнавши богатство и славу,
Смерть пришла и сказала ему:
«Ты — поэт и бессмертен!.. И, право,
Как мне быть, я никак не пойму!»

Улыбаясь, развел он руками
И с поклоном промолвил в ответ:
«В жизни я не отказывал даме!
Вашу руку!»
И умер поэт...

Содержание

Часть первая. Куртуазные страсти

Часть вторая. Персик от тоски и другая экзотика

Часть третья. Невозможное

Часть четвертая. С натуры

Часть пятая. Злостная фортуна

Часть шестая. Если хочешь...

Часть седьмая. Собрание пьесок о превратностях любви

Часть восьмая. Студенческие песни

Часть девятая. За белой сказкой

Часть десятая. Гранитный призрак

Часть одиннадцатая. Лукошко СССР

Часть последняя

Николай Агнивцев

**В ГАЛАНТНОМ СТИЛЕ
О ЛЮБВИ И ЖИЗНИ**

Редактор-составитель
Игорь Захаров

Верстка
Кирилл Лачугин

Издатель Ирина Евг. Богат
Свидетельство о регистрации
77 № 006722212 от 12.10.2004

121069, Москва, Столовый переулок, 4, офис 9
(Рядом с Никитскими Воротами, отдельный вход в арке)

Тел.: 291-12-17, 258-69-10. Факс: 258-69-09
Наш сайт: www.zakharov.ru
Email: info@zakharov.ru

Подписано в печать 16.11.2006. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 13,44. Тираж 2000 экз. Изд. № 659. Заказ № 869.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
http://www.uralprint.ru e-mail: book@uralprint.ru

Николай Яковлевич Агнивцев (1888–1932) – поэт, драматург, стилизатор и сатирик, постоянный сотрудник журналов «Сатирикон», «Столица и усадьба», ироничный воспеватель «красивой жизни» с «экзотикой» и аксессуарами «высшего света», автор Вертинского и Ходотова, создатель театра-кабаре «Би-ба-бо» («Кривой Джимми»), заметная фигура в среде петербургской богемы начала XX века.

В эмиграции в 1921–1923 гг., по возвращении в Советскую Россию сотрудничал в сатирических журналах, писал куплеты для эстрады и цирка, сочинял детские книжки, издал книгу «От пудры до грузовика».

Автор прославленных сборников «Мои песенки» и «Блистательный Санкт-Петербург», о котором Мандельштам писал: «изысканный Агнивцев с браслетами, щеночками и собачками… этот Кузмин на сахарине с маргариновым старым Петербургом, где стилизация не прячется в углах губ, а прет из каждой строчки, как лошадиное дышло…»